

тысяча лет одиночества

альберто
васкес-фигероа

Океан

айза

Океан

Альберто Васкес-Фигероа

Айза

«РИПОЛ Классик»

1984

Васкес-Фигероа А.

Айза / А. Васкес-Фигероа — «РИПОЛ Классик»,
1984 — (Океан)

Опаленный солнцем негостеприимный остров Лансароте был домом для многих поколений отчаянных моряков из семьи Пердомо, пока на свет не появилась Айза, наделенная даром укрощать животных, призывать рыб, умирять боль и утешать умерших. Ее таинственная сила стала для жителей острова благословением, а поразительная красота – проклятием. Спасая честь Айзы, ее брат убивает сына самого влиятельного человека на острове. Ослепленный горем отец жаждет крови, и семья Пердомо спасается бегством. Им предстоит пересечь океан и обрести новую родину в Венесуэле, в бескрайних степях-льянос. Однако Айзу по-прежнему преследует злой рок, из-за нее вновь гибнут люди, и семья вновь вынуждена бежать. «Айза» – очередная книга цикла «Океан», непредсказуемого и завораживающего, как сама морская стихия. История семьи Пердомо, рассказанная одним из самых популярных в мире испаноязычных авторов, уже покорила сердца миллионов. Теперь омытый штормами мир Альберто Васкеса-Фигероа открывается и для российского читателя.

© Васкес-Фигероа А., 1984

© РИПОЛ Классик, 1984

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Альберто Васкес-Фигероа

Океан. Айза

Предисловие

«Айза» – логическое продолжение истории семьи Пердомо Марадентро¹. Оно родилось не в тени успеха первой книги, а скорее потому, что я был не в состоянии покинуть такую героиню, как Айза, успевшую стать моей плотью и кровью.

Есть персонажи, которым удастся (к сожалению, это случается нечасто) завладеть волей автора. Они управляют им по своему желанию, живут в его сознании и в сердце, проникают в его сны, и наступает такой момент, когда он начинает бояться, что сойдет с ума.

Это притягательное и одновременно тягостное ощущение; это яростная борьба между страхом от сознания, что кто-то вознамерился занять твое место, и несказанным удовольствием от возможности прожить еще одну жизнь, поскольку за одну секунду из тихого кабинета над морем на Лансароте можно попасть в жару, пыль и насилие венесуэльских льянос² или гвианскую сельву.

Когда в уме писателя рождается персонаж вроде Айзы, именно он переносит автора туда, где находится, а не писатель помещает его туда, куда захочет.

И когда Айза говорит и думает, это она заставляет писателя говорить и думать, даже если он не собирался этого делать.

Айза завладела мной в «Океане», и поставить заключительную точку в этом романе было все равно что убить ее, когда ей еще не исполнилось и восемнадцати и она не успела раскрыться как личность. Я оставил ее на корабле, когда вдали уже показался венесуэльский берег, и чувствовал такое любопытство, какое мог бы испытать любой читатель, желая узнать, что именно случится в этом экзотическом и чудесном месте.

Я видел Айзу, которая была частью меня самого, в стране, которая в какой-то степени была моей второй родиной. Я старался представить себе, что должно произойти, когда столкнутся два мира и две такие разные формы мировосприятия, и, хотя я это обдумывал, у меня было такое ощущение, что, пока я это не напишу и не смогу прочесть, Айза не будет существовать.

В определенной степени мы, писатели, по роду своей профессии страдаем одной слабостью: не верим ничему, кроме печатного слова, и идеи и даже слова представляются нам чем-то несущественным и не имеющим цены до тех пор, пока они не запечатлены на бумаге. Грубо говоря, это как если бы Наполеон начал существовать лишь с того момента, когда была издана его первая биография.

Айза не должна была умереть; вот почему в один прекрасный день я не выдержал, сел за машинку и заставил ее воскреснуть почти исключительно для того, чтобы удовлетворить свое нездоровое любопытство и посмотреть, что произойдет, когда она столкнется с миром, столь непохожим на море и Лансароте, каким, по моим сведениям, был Каракас, а также льянос и сельвы венесуэльской провинции.

Вероятно, это не самый лучший мой роман, поскольку он не дотягивает до уровня «Океана», однако бесспорно: удовлетворяя собственное любопытство, я получил больше удовольствия, чем когда работал над любой другой книгой.

¹ *Maradentro* (исп.) – В глубь моря. – Здесь и далее примечания переводчика.

² *Льянос* (исп. llanos – «равнины») – тип высокотравной саванны в бассейне Ориноко.

Альберто Васкес-Фигероа

Позади остался океан – со всем грузом пережитых ими страданий. Позади – далеко-далеко – остались Лансароте и связанные с ним воспоминания; похоже, тоска по родине будет преследовать их на протяжении всей жизни, какая судьба ни уготована каждому из них.

Впереди – а теперь уже вокруг них – лежала Венесуэла, земля обетованная, мечта многих поколений эмигрантов. Однако семейство Пердомо Вглубьморя направили сюда обстоятельства, а не жажда разбогатеть. Почти все Пердомо страстно желали лишь одного: жить себе вместе и дальше в крохотной деревушке Плайя-Бланка, где в море можно найти все необходимое для удовлетворения их скромных потребностей.

Но сейчас с бесплодного вулканического острова они попали в пышную тропическую растительность, из тихой деревеньки, насчитывавшей триста жителей, – в грохот Каракаса, который за несколько лет успел превратиться в самый бурливый, кипучий город на свете, настоящее вавилонское столпотворение.

Из разрушенной Европы, которую сровняла с землей недавно отгремевшая война, хлынул поток беженцев и обездоленных – смешение стран, языков, вероисповеданий и идейных убеждений. И Венесуэла, а точнее, длинная и узкая Каракасская долина постепенно становилась горнилом, где попадали в переплавку представители самых разных народов, несшие с собой свои разочарования и надежды.

Многие, подобно семейству Пердомо Вглубьморя, не имели при себе никакого иного багажа, кроме собственных рук, и никакого капитала, кроме необходимости выжить, – и самая младшая Пердомо, наделенная Даром «приманивать рыбу, умирять зверей, приносить облегчение страждущим и утешать мертвых», тут же ощутила с тоской, как давит на нее это скопище людей, машин, шумов, запахов и высоких недостроенных зданий. Перед лицом большого города она чувствовала себя более незащищенной, чем перед разбушевавшимся океаном, угрозой нападения морских чудовищ или даже страхом кораблекрушения и смерти.

– Что с тобой?

– Мне страшно.

Ее братья промолчали – наверно, потому что сами оробели, попав в совсем незнакомое окружение. А мать только нежно убрала волосы с лица дочери и мягко опустила руку на плечо, словно этого простого жеста было достаточно (а так оно и было), чтобы успокоить девушку.

Они стояли на площадке, куда автобус привез их с побережья, из Ла-Гуайры³, и озирались вокруг, удивленно и опасливо, как люди, знающие, что впервые сталкиваются с грозным чудовищем, с которым бесполезно бороться. С востока в долину вползали черные мрачные тучи, заволакивая высокие склоны величественной горы. Они обрушили на город водопады темной и теплой воды, которая словно хотела заглушить своим шумом рычание моторов.

– Островитяне?

Они обернулись и увидели лысого толстяка, развалившегося на ближайшей скамейке; тот придирчиво осматривал всех приезжающих.

– Что вы сказали?

– Вы островитяне? Канарцы?

– Как вы узнали?

– Первое, чему учишься в Венесуэле, – с первого взгляда распознавать национальность человека, даже из какого он региона. – Толстяк сделал неопределенный жест своей единственной рукой; культию другой скрывал рукав просторной, пропитанной потом гуяберы⁴ вроде как голубого цвета. – Вам нужно жилье? – поинтересовался он.

³ Ла-Гуайра – город, расположенный на берегу Карибского моря, в 30 км от Каракаса; крупный морской порт Венесуэлы.

⁴ Гуябера – мужская легкая рубашка с накладными карманами.

– Какого рода жилье?

– За тридцать боливаров могу предоставить комнату с тремя кроватями и правом пользования кухней. А еще каждый день сможете принимать душ.

– Нас четверо, – ответили братья.

– Женщины могут спать на одной кровати, – сказал толстяк, с трудом поднимаясь со скамейки и глядя на небо. – Решайтесь! Вот-вот хлынет ливень, а мне совсем неохота промокнуть до нитки.

Аурелия Пердомо посмотрела на своих детей, заметила, что по тротуару запрыгали крупные капли, и в знак смирения пожала плечами.

– Ладно, – согласилась она.

Они двинулись за слоноподобным калекой к самому большому и проржавленному автомобилю, какой когда-либо им доводилось видеть. «Понтиак», вероятно, раньше был белым, а сейчас скорее смахивал на треснутый ночной горшок, чем на настоящий автомобиль. Им пришлось ждать под дождем, пока чудовищных размеров зад опустится на пружины и циновку огромного сиденья и толстяк справится с проржавевшими внутренними запорами, чтоб впустить их внутрь салона.

Почти насквозь промокнув под тропическим ливнем, который, будто себе на потеху, норовил добраться до их тел сквозь худую одежку, все кое-как разместились внутри вонючего драндулета, который зарычал и затрясся, словно старик в сильном приступе кашля.

– Плата за первую неделю вперед, – объявил толстяк. – Обычно я не беру на постой людей без багажа. Как это вышло, что у вас ничего нет, кроме того, что на вас надето?

– Мы потерпели кораблекрушение, – прозвучало в ответ. – И все потеряли.

– Ну и ну! – размышлял калека в то время, как они медленно тронулись с места. – Вот не повезло, так не повезло! Однако вы, островитяне, сумасшедшие. Выходите в море на утлых суденышках, а там будь что будет! Вы просто чудом не потонули! Меня зовут Мауро, Мауро Монагас, и мой дед по матери был астурийцем.

– А я – Аурелия Пердомо, а это мои дети: Себастьян, Асдрубаль и Айза.

– Писаные красавцы. Особенно девушка. – Толстяк громко расхохотался, и его смех перекрыл даже стук дождя, который барабанил по крыше, уже пробив ее в полудюжине мест. – Еще бы, с такой мамашей!

Предполагаемый комплимент словно источал отвратительную, липкую грязь, поскольку в устах этого сального, потного и, как оказалось, вонючего человека слова странным образом меняли смысл, будто приобретая таинственный подтекст, который один только говоривший и понимал. Впрочем, никто из его пассажиров не отозвался. Они были поглощены созерцанием дождя: это был настоящий потоп, какого им никогда не доводилось видеть; за считанные минуты воды вылилось больше, чем за все эти годы на их далеком и бесплодном острове по ту сторону Атлантики.

«Дворники», судя по всему, не справлялись со своей задачей: видимость так и оставалась ниже средней, – и горе-автомобиль с грехом пополам продвигался в тесном транспортном потоке. Вода словно склеивала машины друг с другом, и они ехали по узким улицам еле-еле, бампер к бамперу, а их гудки становились все громче, и из широкой долины рвался наружу непереносимый вой, который поднимался по склонам горы и холмов и отражался от низких и густых туч или высоких и уродливых зданий.

Айза Пердомо протирала запотевшее стекло, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь пелену крупных капель, но видела лишь машины, грузовики, автобусы, людей, которые бежали, чтобы спрятаться в подъездах или под навесами, и фасады домов немыслимых цветов, чередовавшиеся с множеством магазинов, в витринах которых уже начали загораться первые огни.

Мир за окном словно куда-то уплывал, как это бывает во сне, теряя очертания, временами напоминая замедленную съемку, странное видение, в котором лица, да и тела оказыва-

лись искривленными, нереальными и в то же время соответствовали нереальности всего, что было вокруг: железа, цемента и каучука. Мир был пропитан проливным дождем и запахом пота, которым разило от толстяка, а еще запахами дешевого бензина, мокрой земли и гниющей тропической растительности.

Впервые в жизни Айза внезапно почувствовала головокружение и почти неудержимый позыв к рвоте. Она, дочь, внучка и правнучка рыбаков, мужественно перенесла все штормы во время долгого-предолгого плавания через океан на потрепанном баркасе меньше двадцати метров в длину, и вдруг – на тебе! – ее организм взял и взбунтовался против тряски в этой развалюхе – «понтиаке» и против ощущения подавленности, вызванной жарой и вонью.

– Что-то не так, дочка?

– Я задыхаюсь. Этот город воняет!

– Это все из-за дождя, – объяснил толстяк Мауро Монагас, не оборачиваясь. – Он переполняет сточные канавы, а река Гуайре разносит нечистоты дальше. Эта река всех нас доконает! В нее вливается большинство городских клоак, а она пересекает город из конца в конец. В некоторых районах целых три месяца в году невозможно жить из-за вони, москитов и крыс.

– А уверяли, будто это современный город, – осторожно возразил Себастьян, старший из братьев. – Все о нем только и говорят.

– Так и есть! – подтвердил толстяк. – Сейчас это самый что ни на есть современный и быстро растущий город на земле. В том-то и дело: понаехало столько народа, что, сколько ни строй, все мало, и никто не думает о стоках. Что ни день появляются районы, где даже нет канализации... Прямо бедлам какой-то!

– В таком случае работы здесь наверняка хватает.

Однорукий почесал бровь култей и искоса посмотрел на Асдрубалья, который сидел с ним рядом: замечание исходило от него.

– Это зависит от вас, – сказал он. – Что вы умеете делать?

– Мы рыбаки.

Толстяк громко расхохотался; смех прозвучал неприятно и оскорбительно.

– Рыбаки!.. – воскликнул он. – Да бросьте! Если только вы не собираетесь ловить навоз в Гуайре, объясните-ка мне, что вы намерены делать в Каракасе.

– Мы приехали, чтобы оформить вид на жительство, – уточнил Асдрубаль. – А затем вернемся в море.

– В Венесуэле нет моря, дружище! Берега много, это так, но не моря, которое вы ищете. Здесь никто не ловит рыбу, потому что этим не прокормишься. В Венесуэле деньги делают здесь, в Каракасе. Вот где сколачивают состояния... Или в Маракайбо, вблизи нефтяных месторождений. Остальное – море и рыба – это для негров из Барловенто. А сельва – для индейцев. Послушайте меня! – сказал он в заключение. – Если вы отправитесь на побережье, помрете от жары и отвращения. – Он подъехал к тротуару и резко затормозил около какого-то дома. – Приехали!

Это было старое и мрачное здание, в котором пахло сыростью, мочой и дешевой стряпней, с темным подъездом и скрипучей деревянной лестницей со стертymi ступеньками; она с трудом восходила вверх, к третьему этажу, где открывались две высокие стонущие двери.

Комната была под стать всему остальному: душная и темная каморка без вентиляции, если не считать крошечного оконца, в котором не хватало пары стекол. Оно смотрело в высокую обшарпанную стену узкого внутреннего двора.

– Бог ты мой!

– Не нравится – не берите, – невозмутимо произнес Мауро Монагас, нисколько не сомневаясь в исходе дела. – Заплатите за транспорт – и ступайте себе на улицу мокнуть и искать что-то другое, пока не стемнело. – Он зажег сигарету, прижав култей спичечный коробок к телу, и насмешливо улыбнулся. – Но сомневаюсь, что вы найдете что-то лучше за эту цену; будет

жаль, если вы проведете свою первую ночь в Каракасе под открытым небом. – Он провел рукой по носу. – Ну же! – нетерпеливо сказал он. – Я не могу тратить на вас весь день. Остаетесь или уходите?

Аурелия Пердомо вновь окинула глазами унылую каморку, внимательно вгляделась поочередно в лица своих детей, отметила про себя крайнюю бледность дочери и покорно склонила голову.

– Мы остаемся, – выдохнула она.

Толстяк протянул свою единственную руку и щелкнул пальцами:

– Деньги!

Аурелия медленно сунула руку в карман платья, вынула несколько купюр, тщательно пересчитала и положила на потную ладонь, которая тут же сжалась в кулак, словно захлопнулась ловушка.

– Неделя! – предупредил толстяк. – Ни дня больше. Уборная – третья дверь, кухня – в глубине коридора. Ваше время – с двенадцати до двенадцати тридцати и с семи тридцати до восьми.

Он повернулся и исчез в узком коридоре, в котором едва помещался, а Пердомо Вглубь-моря почувствовали, что они не в силах что-то сказать и даже взглянуть в лицо друг другу, словно всем четверым было стыдно, что им приходится терпеть настолько унижительное обращение и они должны будут провести хотя бы минуту жизни в таком мерзком свинарнике.

Аурелия Пердомо очень медленно закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и глубоко вздохнула.

– Ладно! – проговорила она, не глядя ни на кого из детей. – Мы потеряли все, что у нас было, и оказались здесь, в самом отвратительном месте незнакомого города, в чужой стране, без денег. Думаю, что тот, кто нас наказывает, кто бы это ни был, не сможет придумать, как потопить нас еще глубже. Давайте передохнем, потому что с завтрашнего дня нам надо будет постараться, чтобы положение изменилось.

Каракас просыпался рано. Его обитатели начинали суетиться и приходили в движение задолго до рассвета, и с наступлением утра – где-то с шести часов – улицы, проспекты и авто-страды превращались в бурлящий поток; автомобилистов, несмотря на ранний час, охватывало нервное возбуждение, словно спешка проникла им в кровь.

Казалось, по мере того как солнце всплывало над горизонтом – дальше, за хребтом, в котором верховодила гора Авила, – усиливался и грохот города. А ведь всего несколько лет назад это был тихий городишко, сохранивший память о колониальной эпохе, и его покой нарушали лишь щебетание птиц и завывание ветра в кронах высоких королевских пальм.

Сотни, тысячи, миллионы ревущих моторов; вопли клаксонов; сирены полицейских машин и карет «скорой помощи»; скрежет подъемных кранов, крики бродячих торговцев, расхваливавших всевозможные товары, и над всем этим шумом – перекрывая его, примешиваясь к нему, но не заглушая – гвалт сотен, тысяч и миллионов радиоприемников, включенных на полную мощность. Казалось, они соревновались между собой, у кого голос громче или музыка пронзительнее.

Людам, приехавшим из самых разных уголков планеты, не терпелось поскорее наверстать упущенное за годы войн, голода, тюрем или концлагерей, и они заразили своей лихорадкой огромное число креолов. Те словно очнулись от долгой спячки и обнаружили, что и они, самое что ни на есть простонародье, до которого никому не было дела и которому в прежней, сельскохозяйственной и колониальной, стране никогда ничего не светило, тоже могут отхватить себе добрый кусок от общего пирога, в который превратилась Венесуэла благодаря запасам нефти, железа и бокситов.

Только старая аристократия – богачи, отпрыски старинных помещичьих семейств, чьи прапрадеды завоевали равнины внутри страны с помощью шпаги и лошади, – безуспешно

пыталась сохранять спокойствие, подобно маркизу, спокойно взирающему на то, как буйная толпа вторгается в его сад, топчет цветники и растаскивает розы и яблоки.

Подобно тому как орды варваров когда-то осаждали грозные замки, воинственные высотки в двадцать, а то и тридцать этажей стали теснить старинные особняки среди столетних дубов. Из крошечных окошек многоэтажек глаза завидующие цепко высматривали, что такое там творится внутри замощенных дворов, а ну как есть возможность продвинуться еще на метр, срубить еще одно дерево или превратить ухоженный сад или изящную ротонду в торговый центр, отель или кондоминиум.

Каракас бугенвиллей⁵, мимоз и королевских пальм, каоб⁶ и фламбоянов⁷ в начале бурных пятидесятых безуспешно пытался сопротивляться безудержному натиску Каракаса цемента, железа и асфальта, хотя все уже знали, что битва проиграна и спекуляция и алчность вот-вот уничтожат последние редуты романтически-прекрасного колониального прошлого.

Каракас на самом деле просыпался рано, однако в это утро еще до того, как самый деятельный из его жителей приготовился начать новый день, полный забот и хлопот, в мрачной и унылой каморке Пердомо Вглубь моря уже никто не спал: все четверо лежали, не сводя взгляда с едва различимого светлеющего прямоугольника окна.

Аурелия, которая всегда знала, спят дети или нет, в конце концов шепотом спросила:

– В чем дело? Почему вы не спите?

Впрочем, она сознавала, что спрашивать об этом не было смысла, поскольку дети маялись от бессонницы по той же причине, что и она сама: их пугало будущее, которое представлялось им таким неопределенным, а окружающая обстановка – чужой и непонятной.

В этот час они обычно вставали, пили кофе и помогали отцу спустить лодку на воду, чтобы выйти в море на поиски пропитания. Изучали направление и силу ветра, высоту волн, напор течения и форму облаков, бегущих по небу. Радовались обещанию скорого сияющего рассвета там, за мысом Папагайо; надеялись, что красавцы меро и вкусные кабрильи с готовностью заглотят крючки и позволят втащить себя в лодку после короткой борьбы. Этот час был, вспоминалось им, самым любимым их часом.

Но теперь... Что это за час такой, вдали от Лансароте и от их мира?

В утреннем свете Каракас выглядел по-другому. Гора Авила, которая возвышалась над городом, замкнув долину с севера, стала ярко-изумрудной, как только вода, оросившая накануне вечером листья миллионов деревьев, отразила первые лучи солнца, проникшие откуда-то из-за Петаре. Воздух был чистым, словно его тщательно промыли, перед тем как вывесить просушиться на утреннем солнце, и глухой шум уличного движения, мало-помалу нараставший, гроыхал не так оглушительно и назойливо, как накануне вечером. Пахло сосисками и свежееиспеченными арепами⁸, и, прежде чем окончательно нырнуть в поток людей, направлявшихся вниз по улице, Асдрубаль с Себастьяном потратили половину денег, выданных им матерью, чтобы наполнить желудки, пустовавшие почти сутки, хот-догами и огромными стаканами дымящегося кофе.

– Где бы мы могли найти работу? – спросили они продавца, темно-коричневого негра, лицо которого вдоль и поперек было изборождено морщинами. – Какую угодно...

Изможденный старик, у которого почти не осталось зубов, внимательно оглядел обоих братьев, обратил внимание на широкую грудь и мощные бицепсы Асдрубаля и прошепелявил:

– Тебе нравится грузить кирпичи?

– Не нравится, но это не важно...

⁵ Бугенвиллея – ярко цветущий вьющийся кустарник.

⁶ Каоба, или красное дерево махагони, – вечнозеленое дерево высотой до 15 м с ценной древесиной.

⁷ Фламбоян, или огненное дерево, – дерево с раскидистой кроной, в период цветения покрывается крупными ярко-красными цветами, собранными в большие кисти.

⁸ Арепа – кукурузная лепешка.

Негр наполнил еще один стакан кофе, отдал его какой-то нетерпеливой женщине, получил деньги и махнул рукой куда-то в конец улицы:

– Через четыре квартала отсюда будет проспект Сукре. Потом налево, еще через пять или шесть кварталов, строят огромный дом. Возможно, там требуются рабочие.

Братья поблагодарили и отправились дальше, с бумажным стаканом кофе в одной руке и сосиской – в другой, не желая терять ни минуты, чтобы оказаться на стройке в первых рядах желающих получить работу.

Работа и правда была, но только тяжелая и малооплачиваемая, поскольку, хотя город и разрастался, словно серая раковая опухоль на зеленой поверхности долины, при таком наплыве эмигрантов (в порт Ла-Гуайра что ни день прибывали все новые и новые партии) работодатели без зазрения совести пользовались тем, что все люди хотят есть.

Португальских рабочих, у большинства из которых по ту сторону Атлантики остались семьи без кормильца – а значит, им приходилось зарабатывать себе на пропитание да еще что-то посылать домой, – нанимали на сдельную работу за сущие гроши. Асдрубаль с Себастьяном быстро сообразили, что надо соглашаться на любую плату, какой бы мизерной она ни казалась, иначе место достанется кому-то другому из длинной очереди желающих, постоянно пополнявшейся за счет тех, кто приходил сюда из небольших поселков на холмах.

Проводить день напролет под палящим солнцем, когда из-за влаги и зноя невозможно дышать, восемь часов подряд таскать мешки, толкать тачки или перекидывать лопатой песок – и все это в обмен на горсть боливаров, которых едва хватает, чтобы утолить голод, заплатить за угол... да еще чтобы осталось на мзду кровопийце посреднику, согласившемуся раздобыть им удостоверение личности и вид на жительство!

– Как только мы их получим, вернемся на побережье... на море, там – наш мир.

Асдрубаль все время настаивал на необходимости покинуть Каракас, однако Аурелия колебалась, Айза, замкнувшаяся в себе с того самого момента, как они ступили на берег, была по-прежнему погружена в молчание, а Себастьян возражал:

– Ты же слышал, что сказал Монагас. На побережье нам пришлось бы голодать.

– Больше, чем здесь? – удивился Асдрубаль. – Если есть море, значит, есть и рыба, а мы умеем рыбачить. И я предпочитаю умирать от голода там, а не здесь. Посмотри, куда мы попали! Взгляни на Айзу, которая сидит взаперти, и перед глазами у нее нет ничего, кроме глухой стены! Она не может выйти на улицу, иначе к ней тут же привяжутся какие-нибудь подонки. Иногда мне кажется, что эти толпы сутенеров вполне способны подняться наверх и досаждают ей там.

Это была большая тема, и Себастьян это знал. Район был населен проститутками, пьянчугами, бродягами и бандитами, через него шастал весь городской сброд, направляясь в поселки на холме, где действовал единственный закон – насилие. Опасность подстерегала здесь всякого прохожего в любое время дня и ночи, а уж для самой младшей в семье Пердомо Вглубьморя, начиная с того момента, как она впервые вышла на улицу, окружающая обстановка таила в себе настоящую угрозу.

Ее великолепное тело, из-за которого семье уже пришлось хлебнуть столько бед, казалось, затмевало своим совершенством все вокруг. А огромные зеленые глаза, одновременно детские и пронизательные, завораживали и притягивали к себе, словно магнит, которому невозможно сопротивляться.

В семнадцать лет младшая представительница семейства Вглубьморя вызывала восхищение своей совершенной красотой и при всей своей застенчивости и желании остаться незамеченной тут же оказывалась под прицелом взглядов окружающих.

Одно только появление на ближайшем рынке, даже в сопровождении матери, оборачивалось для нее неприятным приключением, поскольку к восхищенному свисту и непристойным

выкрикам, которые она так ненавидела, слишком часто добавлялось преследование со стороны местной шпаны, которая была не прочь ее облапать.

Когда дело дошло до того, что какой-то мулат со зверской физиономией грубо ущипнул ее за грудь, вырвав клочок из единственного платья, Айза Пердомо окончательно укрывалась в мрачной каморке, которую осмеливалась покидать лишь в компании братьев.

Но, даже сидя в четырех стенах, девушка не могла чувствовать себя в безопасности, потому что в стене, как раз напротив кровати, на которой она, полуодетая (из-за духоты и чтобы не трепать одежду: другой-то у нее не было), часами шила или читала, толстяк Мауро Монагас проделал отверстие, замаскировав его выщербленным зеркалом, и, запершись в своем убогом кабинетике-спальне, он подглядывал за ней и дрочил. Отныне в этом занятии заключался весь смысл его существования.

В самом начале, когда Однорукий Монагас увидел Айзу на автовокзале, он испытал потрясение, а впервые прильнув глазом к отверстию и в косом свете, падавшем из оконца, рассмотрев обнаженное тело девушки, решил, что перед ним потустороннее существо, и толстяк ощутил, как у него перехватило дыхание.

Ему было невдомек, что он стал первым мужчиной, узревшим наготу Айзы. Он почувствовал слабость в распухших ногах, которые подгибались, отказываясь держать его огромный зад, и чуть было не грохнулся на пол – пришлось на несколько мгновений прислониться лбом к стене и ухватиться за край стола единственной рукой.

У Монагаса тут же пересохло во рту, он разинул его как можно шире, чтобы воздух проник в легкие, и принялся мастурбировать, привалившись к стене. Сперма стекала по грязным обоям с желтыми цветами, но он не обращал на это внимания. Затем бессильно плюхнулся в обшарпанное кресло, которое жалобно закрипело под его ста тридцатью килограммами жира, и долго сидел с широко раздвинутыми ногами, с расстегнутой ширинкой, глядя в одну точку, потому что перед его глазами все еще стояла невероятная картина, которую он только что созерцал.

– Никогда не думал, что на свете существует что-то подобное! – хрипло проговорил он. – Никогда!

Стены комнаты были оклеены фотографиями голых женщин, вырванными из самых откровенных мужских журналов, однако сейчас, окидывая взглядом эти тела, которые прежде казались ему совершенными, он видел перед собой всего лишь собрание уродливых карикатур.

Однорукому от рождения, тучному, вонючему и рано облысевшему Мауро Монагасу приходилось довольствоваться разглядыванием журналов или услугами самых дешевых проституток. В тех редких случаях, много лет назад, когда он пытался вступить с кем-то в более прочные отношения, он всегда чувствовал, что его грубо отталкивают, и калека быстро пришел к выводу, что ему суждено в одиночестве толстеть в жалкой гостинице, доставшейся ему в наследство от матери. Заполучить постояльцев с каждым разом становилось все труднее, поскольку здание разваливалось прямо на глазах.

В его жизни не было ничего такого, о чем стоило бы помнить, если не считать того воскресенья, когда он чуть было не угадал всех шестерых победителей из «лошадиной таблицы», но упустил возможность разбогатеть, и в свои почти шестьдесят он был законченным неудачником.

Повинуясь влечению, сопротивляться которому не было никакой возможности, он с трудом поднялся и вновь прильнул глазом к отверстию.

Лежа на кровати, как раз напротив, Айза была поглощена чтением, и толстяк смог в свое удовольствие рассмотреть ее крепкие слегка раздвинутые ноги, гладкие бедра и легкую выпуклость темного мыска, едва прикрытого крохотными белыми трусиками. Он представил себе, как погружает лицо в ее промежность и целует, ища языком нежный и сладкий вход в

розовую пещеру, которую наверняка до сих пор никто не исследовал, – и рот его наполнился влагой, густая слюна потекла вниз и застряла в седой бороде.

Он с удивлением обнаружил, что впервые в жизни за короткое время достиг второй эрекции, и прямо-таки прилип к отверстию, возбужденно шупая себя, пока в соседнюю комнату не вошла Аурелия Пердомо и не села в ногах Айзы, лишив его возможности пожирать девушку глазами.

Ночью, лежа в кровати в своей вонючей каморке, по которой свободно бегали тараканы и клопы, Однорукий Монагас в течение нескольких часов не мог заснуть, вспоминая чудесное видение прошедшего дня.

Воскресенья были особенно замечательными днями в жизни Айзы, не только потому, что братья отдыхали от тяжелой погрузки и разгрузки кирпичей, но еще и потому, что это была единственная возможность выйти из заточения и немного подышать свежим воздухом.

Рано утром, еще до того, как шпана и шайки карманников высыпали на улицы, девушка с братьями и матерью покидали пределы района и углублялись в другой Каракас – зону фешенебельных микрорайонов, Восточного парка – или даже отправлялись в густой лиственный лес у подножия Авилы и дальше, за Сан-Бернардино⁹.

Это были долгие прогулки вчетвером: они наслаждались обществом друг друга и природой, потому что Каракас, по их мнению, был замечательно расположенным и очень красивым городом, хотя и казалось, что люди одержимы неистовым желанием его разрушить.

Было такое место у подножия Авилы, где высокий водопад с шумом обрушивался вниз среди крон величественных сейб¹⁰ и каоб, которые давали тень бравшей там начало речушке. Айзе нравилось приходить туда первой, чтобы в одиночку насладиться неописуемым душем ледяной воды, которая словно освобождала ее от пота, вони и напряжения, накопившегося за столько дней заточения в грязной каморке.

Затем, уже чистая, она растягивалась на траве где-нибудь в укромном уголке, чтобы насладиться обильным завтраком, который приносила Аурелия: типичные креольские лепешки, начиненные сыром вперемешку с канарским гофио¹¹, обнаруженным ими в одной лавчонке, которой заправлял выходец с Ла-Пальмы. В это время они строили планы, как наконец-то получают документы и смогут подыскать себе пристанище в другом районе города, где Айза будет избавлена от необходимости владеть существованием добровольной затворницы.

– Если бы вы позволили мне работать, дело бы пошло быстрее! – настаивала она. – Я чувствую себя совсем никчемной!

Однако Себастьян, который по праву старшего сына без споров стал главой семьи, был категорически против, и его поддерживали мать и брат:

– Нет, пока мы не переедем и не узнаем лучше здешнюю жизнь. Это тебе не Лансароте, я постоянно слышу о том, что пропадают девушки. Одних насилюют и убивают, других увозят в публичные дома на нефтепромыслах или переправляют в Колумбию и Бразилию. Кто знает, что может случиться, когда нас не окажется рядом, чтобы тебя защитить!

– Я не ребенок!

– Да! – сказал Себастьян. – К несчастью, ты не ребенок, однако и это не наш мир, и нам еще неизвестны здесь все входы и выходы. Люди приезжают отовсюду, есть и не только бедные эмигранты вроде нас, желающие одного – заработать на жизнь и вырваться из нужды. Вместе с крестьянами, рабочими и изгнанниками просочились воры, убийцы, аферисты и сутенеры, по которым плачут все тюрьмы Европы.

⁹ *Сан-Бернардино* – до 1940-х годов пригородная зона Каракаса, в которой располагались кофейные плантации и резиденции самых богатых жителей столицы.

¹⁰ *Сейба* – название нескольких видов деревьев; в Венесуэле так называют хлопковое дерево, которое вырастает высотой до 60–70 м.

¹¹ *Гофио* – мука из поджаренных зерен.

– А кто такой сутенер? – поинтересовалась его сестра.

– Человек, который охотится за девушками, чтобы превратить в проститутку, – вмешалась Аурелия. – Такого, слава богу, на Лансароте не водилось.

– Как человек может заставить женщину заниматься проституцией против ее воли? – удивленно спросила Айза. – Я этого не понимаю.

– Я тоже этого никогда не понимала, однако это так, – убежденно сказала мать. – Они накачивают их наркотиками, спаивают или избивают, точно не знаю, но такое было всегда, и Себастьян прав: этот город небезопасен, и, пока мы в нем не освоимся, нам придется держать тебя на привязи.

– Но ведь другие девушки...

Аурелия Пердомо не дала ей закончить, мягко погладив дочку по лицу.

– Ты не такая, как другие девушки, Айза, – сказала она. – Мы обсуждали это много раз. Мужчины испытывают к тебе сильное влечение, и это принесло нам слишком много проблем. – Она слегка улыбнулась. – Положись на своих братьев, – попросила она. – Они делают все возможное, чтобы вытащить нас отсюда. Это вопрос нескольких дней!

Однако дни оборачивались неделями, а те – месяцами, потому что к прежним тратам присоединялись все новые, и всем не раз приходилось ложиться спать без ужина, поскольку заработков двух поденщиков и тех грошей, которые женщины выручали за шитье, не хватало, и найти приличное жилье, подальше от этого жуткого района и мрачного здания, по-прежнему не было возможности.

Так что Айза научилась смирять себя и помалкивать, хотя часто думала, что сойдет с ума от тоски и бездействия, особенно в те долгие часы, когда мать уходила, чтобы отдать готовую работу или выстаивать бесконечные очереди перед окошками Управления по делам иностранцев. Тогда девушку охватывало тягостное ощущение, что стены вокруг нее смыкаются, и ее обурежала тревога, будто за ней постоянно следят чьи-то невидимые глаза.

Однако она изо всех сил старалась отогнать от себя подобные мысли, опасаясь, что они станут навязчивыми, поскольку это чувство – что за ней следят – не покидало ее с тех самых пор, как она превратилась в потрясающей красоты женщину, и дома, в Плайя Бланка, стоило ей переступить за порог, мужчины провожали ее восхищенными взглядами.

Пришлось Айзе отказаться от привычки гулять по пляжу, бредя по щиколотку в воде, поскольку такие прогулки превратились в главное развлечение местных парней, а когда мать посылала ее за хлебом, множество глаз – она об этом знала – следили за ней украдкой из окон.

Ясно, что своим присутствием она провоцировала мужчин, пробуждая в них самые низменные инстинкты, как ни пыталась этого избежать. Уверенность в том, что это и есть причина ужасных несчастий, обрушившихся на ее семью за последнее время, тяжким камнем ложилась на душу, и, хотя братья и мать старались избавить ее от подобного чувства вины, оно по-прежнему гнездилось в глубине ее сознания.

Ее тело, ее лицо и Дар, унаследованный от какой-то неведомой прабабки и позволявший «усмирять зверей, приносить облегчение страждущим, приманивать рыбу и утешать мертвых», превращали Айзу Пердомо, единственную девочку в роду Вглубьморя за пять поколений, в совершенно исключительное, но вместе с тем – по этой самой причине – крайне уязвимое существо.

Способность разговаривать с мертвыми отличала ее от остальных людей и в то же время придавала ей отстраненный и неприступный вид, возбуждавший и привлекавший мужчин, словно они догадывались, что им никогда ее не заполучить. Вот почему с того времени, как Айза Пердомо осознала, что превратилась в женщину, она чувствовала себя загнанным зверем, которому, казалось, никто не намерен давать передышки.

– Порой мне хочется изуродовать себе лицо или отрезать грудь, – совершенно откровенно признавалась она матери. – Только тогда все успокоилось бы. Зачем мне все это – то, чем меня

наделила природа или кто бы там ни был, – если это вынуждает меня сидеть взаперти, словно я какая-нибудь прокаженная, и приносит нам всем сплошные несчастья? Прямо напасть какая-то!

Аурелия старалась заставить ее выкинуть эти мысли из головы, однако в глубине души была вынуждена признать, что действительно, не будь ее дочь так красива, жили бы они себе и не тужили на Лансароте, и Абелай Пердомо, двухметровый здоровяк, которого она так любила, не погиб бы в море.

Но никто не был виноват в том, что Айза такой уродилась. Ни она сама, ни ее родители, ни далекая прабабка, унаследовавшая магические чары от Армиды – та была первой колдуньей, обосновавшейся на Канарах, и, по преданию, от нее и передавались потомкам сверхъестественные способности.

Но как от них избавишься?! Изуродовать лицо или отрезать грудь, как в тяжелые минуты предлагала сама Айза? Такое можно ляпнуть лишь сгоряча, и они обе это понимали. Только время было властно над красотой Айзы Пердомо, и, пока ее собственная природа не разрушит изнутри совершенную гармонию ее тела, она обречена жить в нем, как бы тяжело ей ни приходилось.

– Когда мы покинем этот район, все будет по-другому, – неустанно повторяла Аурелия. – Потерпи, дочка! Всего лишь немного потерпи.

Однако Айза знала, что ничего не изменится: мужчины везде одинаковы – да ты хоть океан переплыви! – и она так и останется жертвой своей красоты и своего Дара, сколько бы ей ни пришлось колесить по свету.

И не одна она это понимала. Братья, привыкшие к тому, что, став женщиной, их сестра порождает бурю, где бы ни оказалась, с каждым разом все яснее сознавали, что огромный город, этот новый Вавилон, в который их забросила судьба, меньше всего годится на роль прибежища для такой девушки, как Айза.

Стройка, на которой они работали, где архитектором был немец, прорабами – креолы, бригадирами – итальянцы, а каменщиками и разнорабочими – венгры, поляки, португальцы, колумбийцы, испанцы и турки, как нельзя лучше отражала происходившее вокруг. Нашествие народов было таким стремительным и бурным, что приезжие не успевали сформировать новое общество со своим собственным укладом и обычаями, а каждая группа, даже отдельный человек стремились навязать свои правила и свой образ жизни.

То, что в одном районе было хорошо, уже на соседней улице считалось плохо. То, что каким-то сообществом воспринималось благожелательно, в соседнем выглядело зазорным. Бога, которому молились одни, проклинали жившие напротив. И при этом все уверяли друг друга, что стремятся создать новую нацию!

И если для одних это действительно была новая родина, с которой они связывали все свои помыслы, пустив здесь корни и навсегда забыв разрушенную Европу, то другие ненавидели эту страну. Их волновало лишь то, как заработать денег и вернуться в отчий край, по которому они тосковали и с которым, сколько бы воды ни утекло, все еще были накрепко соединены незримыми нитями.

С точки зрения этих людей, Венесуэла, место их временного пребывания, не заслуживала уважения, и им не хотелось прилагать каких-либо усилий, чтобы приспособиться к обстановке или хоть как-то ее изменить к лучшему. Они намеревались выжать из нее все, что можно, и уехать, выкинув ее из головы и даже мысленно не поблагодарив за то, что однажды, когда они были на грани отчаяния, эта страна распахнула перед ними двери, позволив начать новую жизнь.

Эти временные переселенцы, которые только и думали, что о возвращении домой, были, вне сомнения, хуже всех, поскольку свято верили в то, что в один прекрасный день исчезнут, только их и видели, и им было плевать, какое воспоминание о них останется.

Сутенерами, проститутками, ворами и мошенниками двигало желание накопить определенную сумму и убраться восвояси, чтобы вновь, но уже где-то в другом месте, превратиться в законопослушных граждан. Так в этом городе и в это время оказалось опрокинуто всякое представление о нравственности.

Асдрубаль и Себастьян поняли это сразу, и это открытие было для них сильным ударом. Они были воспитаны матерью в строгости и усвоили нехитрые, но суровые правила небольшой рыбацкой деревушки, а потому их часто брала оторопь оттого, с каким бесстыдством и наглостью многие из окружающих творили самые невероятные вещи.

Возможность получить несколько банкнот оправдывала любой поступок, и люди – особенно женщины – словно превратились в вещи, которые отбрасывались в сторону, как только надобность в них отпадала.

Понятия домашнего очага и семьи стремительно разрушались. Тревожная статистика свидетельствовала о том, что, если подобная деградация будет продолжаться, очень скоро почти семьдесят процентов детей, родившихся в стране, будут внебрачными, половина их спустя какое-то время окажутся покинутыми на произвол судьбы, что конечно же вызовет быстрый рост беспризорности и преступности среди молодежи. Это неминуемо приведет к очередному увеличению числа брошенных детей, а следовательно, есть опасность, что через два поколения в Венесуэле будет больше преступников, чем честных граждан.

Где же выход из положения?

Ни Себастьян, ни Асдрубаль не смогли бы ответить на этот вопрос, потому что в действительности думали лишь о том, как бы каждый день зарабатывать хоть какие-то деньги, чтобы выжить и не дать бурным волнам окружающей жизни поглотить их крепкую семью.

Вглубьморя всегда, с самого основания рода и приобретения прозвища (совершенно заслуженного), были сплоченным семейным кланом. Никакому внутреннему разладу так и не удалось их расколоть, никакому давлению извне – разобщить. Однако сейчас они попали в другой мир, и Себастьян, который всегда был самым умным из всей семьи, испытывал глубокую тревогу. Его беспокоила и Айза, подвергавшаяся опасности в агрессивной, враждебной среде, и Асдрубаль, который был простодушнее, больше привязан к их прежней жизни и теперь проникся неприязнью к стране, в которой ему никак не удавалось освоиться.

Себастьян знал, что, как бы им ни было здесь неуютно, они обречены навсегда остаться в Венесуэле, потому что они, Пердомо Вглубьморя, никогда не смогут вернуться ни в Испанию, ни на Лансароте.

У Однорукого Монагаса задрожали колени, и он чуть не свалился в обморок, когда, открыв дверь, увидел перед собой на вонючей лестничной площадке своей жалкой гостиницы грозную фигуру дона Антонио Феррейры, более известного как дон Антонио дас Нойтес¹². Ростом бразилец вымахал под потолок, унылую физиономию украшали огромные обвисшие усы, а глаза были настолько черны и невыразительны, что по ним никогда не удавалось понять, пожмет ли он вам сейчас руку или пырнет ножом.

Толстяк Мауро Монагас знал дона Антонио дас Нойтеса в лицо, а больше понаслышке, и он даже представить себе не мог, что однажды повстречает его, высоченного, как кипарис, и серьезного, как филин, у себя на пороге, да еще в сопровождении Лусио Ларраса, постоянного водителя и телохранителя.

На какое-то мгновение он слегка растерялся, словно засомневавшись, уж не призрак ли это, и бразилцу пришлось привести его в чувство: мягко и решительно отстранить со своего пути.

– Добрый день! – поздоровался гость глухим голосом, который шел словно бы из живота, а не из горла. – Скажи девчонке, пусть выйдет.

¹² Дас Нойтес (от порт. *noite* «ночь») – «ночной», намек на криминальный характер занятий бразилца.

– Какой девчонке?

Даз Нойтес и Лусио Ларрас вошли, не спрашивая у Мауро разрешения, и телохранитель закрыл дверь. Тем временем дон Антонио даз Нойтес повернулся к Однорукому и смерил его взглядом с высоты своего невероятного роста, словно таракана, шмыгавшего по кухне.

– Красотке, о которой все только и говорят, – процедил он.

– Айзе?

– Не знаю, как там ее зовут. Мне известно лишь то, что всякий раз, когда она выходит на улицу, район начинает бурлить. Говорят, она живет здесь. – Он сделал короткую паузу. – Позови-ка ее!

Мауро Монагас чуть было не отказался, потому что уже успел привыкнуть к мысли о том, что девушка принадлежит ему и ни у кого больше нет права ее видеть или за ней подглядывать. Однако его одолел страх перед бразильцем и его головорезом-телохранителем, и, пройдя по сырому и темному коридору, он легонько постучал в дверь.

– Айза! – негромко позвал он. – Айза, тут один сеньор хочет тебя видеть.

Однако дверь не открылась, и через несколько секунд изнутри раздался голос:

– Кто это?

– Дон Антонио даз... – Он заколебался и кое-как выкрутился. – Это очень важный сеньор, – сказал он. – Он хочет с тобой поговорить.

Вопрос прозвучал сухо и отчетливо:

– О чем?

Толстяк вопросительно посмотрел на обоих мужчин, ожидавших в коридоре под единственной лампочкой, и тогда дон Антонио Феррейра ответил со всей невозмутимостью, с какой только позволял его глухой голос:

– О работе. Я хочу предложить ей работу.

Вновь воцарилось молчание. Стало ясно, что девушка колеблется, однако затем она уверенно ответила:

– Приходите вечером. Когда будут братья.

Бразилец слегка опешил и уже готов был разразиться гневом, но тут Однорукий вновь принялся колотить в дверь.

– Но Айза! – воскликнул он. – Что за ребячество! Дон Антонио – человек занятой и не может терять время на то, чтобы появляться, когда тебе заблагорассудится. Сейчас же выходи! Всего на минутку!

– Не хочет приходить, пусть не приходит! – был ответ. – Но я не выйду.

Дон Антонио Феррейра резко мотнул головой, и Лусио Ларрас собрался вышибать дверь, однако был остановлен Мауро Монагасом, который поднял вверх свою единственную руку и пригласил их молча последовать за ним в соседнюю комнату.

Там он со всеми предосторожностями вынул деревянную затычку из отверстия в стене и дал им возможность спокойно рассмотреть Айзу. Та, полуодетая, сидела совсем близко от окна и старательно зашивала старые брюки старшего брата.

Это зрелище произвело впечатление даже на такого человека, как дон Антонио даз Нойтес, перевидавшего немало обнаженных женщин. Он долго стоял не шелохнувшись, замороженный безмятежностью, веявшей от тела и лица женщины-девочки. Наконец он отстранился, вновь закрыл отверстие затычкой и направился к двери, погрузившись в задумчивость.

Уже на лестнице повернулся к хозяину дома и удивленно спросил:

– Она что, никогда не покидает комнату?

– Только по воскресеньям. Они уходят очень рано и возвращаются, когда стемнеет...

Бразилец ничего не сказал и, понимающе кивнув, начал спускаться по лестнице вслед за своим телохранителем, чтобы исчезнуть в лестничном проеме, даже не попрощавшись.

Только увидев из окна своей комнаты, как дон Феррейра и его телохранитель садятся в шикарный серый «кадиллак» и отъезжают вниз по улице, Однорукий Монагас с облегчением перевел дыхание и всей тяжестью рухнул в многострадальное, истерзанное кресло, в очередной раз исторгнувшее возмущенный скрип. Он пережил жуткий страх при мысли, что у него силой отнимут самое дорогое, что у него было.

Эта девушка, эта недотрога, почти неземное создание – кроткое, нежное и далекое, – которая бесшумно двигалась или часами тихо сидела в своем заточении, неожиданно-негаданно перевернула его однообразное существование. Постоянно одолевавшие его чувство пустоты и сознание собственной никчемности исчезали, стоило только вынуть из стены деревянную затычку и узреть существо, которое он любил неистово и нежно, как человек, никогда никого в этом мире не любивший. Он и думать не мог о возвращении в то время, когда ее тут не было.

У него уже даже почти не возникало охоты мастурбировать или же ощупывать свое тело, когда он стоял, прильнув глазом к отверстию. Ему хватало и того, что у него была возможность удерживать в памяти каждый жест девушки, восторгаться тем, как Айза закидывает назад длинные волосы, падающие ей на глаза, как она время от времени поворачивает лицо к свету, проникающему в окно, восхищаться ее царственной позой – прямая спина, выпяченная грудь, вздернутый подбородок – и дразнящей кошачьей грацией, с которой она передвигается или наклоняется, чтобы расправить постель.

Иногда он спрашивал себя, пораженный, как это возможно, что она никогда не сделала ни одного резкого или лишенного гармонии движения – скажем, неловко плюхнулась на стул – и он ни разу не заметил у нее выражения скуки или бессмысленного жеста.

Можно было подумать, будто Айза Пердомо была воспитана наставниками какой-нибудь королевы и пребывала в уверенности, что постоянно находится под прицелом взглядов. А ведь оно так и было, потому что с самого детства Айза знала, что за ней в любое время наблюдают мертвые – те мертвые, которых она утешала, помимо всего прочего, спокойствием и мягкостью своих жестов, унаследованных вместе с ее Даром от кого-то из мертвецов, уже исчезнувших в ночи времен.

С кем это она иногда разговаривала?

Она не произносила ни слова, даже губы у нее не шевелились, однако что-то такое нет-нет да и мелькало в выражении ее глаз или в том, как она смотрела в одну точку, и толстяку Монагасу казалось, будто она ведет с кем-то безмолвную беседу – с кем-то вполне конкретным, кого ему ни разу не довелось увидеть, но чье присутствие вот-вот должно было стать явным.

В таких случаях Однорукому становилось не по себе, его прошибал холодный пот. Он отскакивал от стены, бросался на свою грязную постель и большими глотками пил теплое пиво. На него нападали страх и что-то вроде тягостного беспокойства. При этом сердце колотилось так сильно, что казалось: еще немного – и оно разорвется в груди, словно в ожидании молнии, которая должна была испепелить его за неслыханную дерзость – за то, что он шпионит за таким чудным созданием.

И откуда только она взялась?

Все его попытки приблизиться к девушке или даже к ее братьям и матери оказались безрезультатными. Когда Айза оставалась одна, она почти не выходила из комнаты, а когда вся семья собиралась вместе, они образовывали монолит, в который – сразу чувствовалось – ни за что не втиснуться никому из посторонних, а уж ему тем более.

Асдрубаль и Себастьян вкалывали от зари до зари и по возвращении валились с ног от усталости. Аурелия обходила окрестности в надежде на то, что в каком-нибудь торговом заведении требуется уборщица, кому-то нужно оказать помощь по хозяйству или перешить одежду, которую она приносила дочери. Они ни с кем не общались, лишь вежливо здоровались со своим домоправителем, столкнувшись с ним где-нибудь в коридоре.

К ним было никак не подступиться, и все, что Мауро Монагасу удалось узнать, – это то, что они были с Канарского острова Лансароте, переплыли океан на крохотном голете, который затонул, а их отец погиб.

Все четверо, казалось, жили воспоминаниями об отце, тосковали об утраченном домашнем очаге и беспокоились по поводу судьбы младшей дочери, которой, похоже, что-то постоянно угрожало.

Братья, два бравых молодца, которым по возрасту было положено развлекаться (наверняка в других обстоятельствах они проводили бы больше времени на каблуках, за бутылкой рома, чем дома), вели себя так, словно добровольно отказались от собственной жизни во имя служения сестре. Однако двигало ими не доморощенное понятие чести, бытовавшее среди выходцев из Южной Италии, а, скорее, самоотверженность: они как будто были уверены в том, что у них на руках величайшая ценность, которая заслуживает любой жертвы.

Для Однорукого Монагаса, которого мать вышвырнула в мир, будто щенка, и остаток своих дней так и продолжала пинать его в толстый зад, ни разу не приласкав и не сказав приветливого слова, подобная сплоченность и любовь, с которой в этой семье относились друг к другу, являлись чем-то новым. Он пребывал в такой растерянности, что, тайком наблюдая за Пердомо, мучился сознанием вины сильнее, чем когда наслаждался видом обнаженного тела Айзы.

– Не нравится мне этот человек.

– Какой человек?

– Вон тот высокий, с усами. Он уже битый час торчит на месте и неотступно следит за Айзой, куда бы она ни направлялась, – прямо как портрет, висящий на стене. Это выводит меня из себя.

– Давай я скажу ему, чтобы он проваливал!

Аурелия повернулась к младшему сыну – предложение исходило от него – и отрицательно покачала головой:

– Это общественное место, да и он пока ничего такого не делал, только смотрел. – Она помолчала. – А я не хочу неприятностей. Судя по виду, он человек опасный, а второй и вовсе головорез. Нам лучше уйти.

– Но мы так хорошо сидели! – запротестовал Себастьян. – Это же твое любимое место.

– Было, пока не появился этот тип со своим лимузином и каменной физиономией. Меня беспокоит то, как он смотрит на Айзу.

– Все мужчины пялятся на Айзу. Пора бы уж привыкнуть.

– Смотреть можно по-разному. – Аурелия стала собирать остатки трапезы, торопливо складывая их в плетеную корзину. – Пошли! – настойчиво повторила она. – Мне захотелось прогуляться по Большой Саванне¹³ и поглядеть на витрины. – Она попыталась улыбнуться, но без особого воодушевления. – Так мы постепенно наметим, что купить, когда разбогатеем.

Прогулка затянулась, но ведь спешить им было некуда. Если в Каракасе и было что-то хорошее, так это вечера: неповторимые закаты, когда небо окрашивалось множеством оттенков, среди которых неизменно преобладал багряный, а в конце долины, по которой можно было добраться до прекрасных влажных лесов Лос-Текес, то здесь, то там вырисовывались на фоне неба развесистые сейбы или высоченные королевские пальмы. В такие моменты густой запах влажной земли и дикой растительности заглушал зловоние города, его машин и реки, превратившейся в клоаку.

По воскресеньям Каракас не сотрясала лихорадка, овладевавшая городом в другие дни, когда все, казалось, только и думали о том, как бы заработать несколько боливаров. По проспектам, паркам и площадям прогуливались семьями, все без разбору были люди простые, все

¹³ Большая Саванна – один из бульваров Каракаса.

лишившиеся родины. Мужчины стояли группами, беседуя на сотнях языков, или собирались вокруг радиоприемника, из которого раздавался громкий голос диктора, комментирующего результаты скачек, на которые возлагали свою последнюю надежду многие эмигранты.

Рассказывали, будто бы один португалец на следующий же день по прибытии в Венесуэлу угадал единственную выигрышную клетку в ставках «Пять и шесть», заработал на этом триста тысяч боливаров и в тот же день укатил обратно к себе в деревню, откуда, возможно, больше никогда не уезжал.

Однако подобные чудеса случались не чаще одного раза в столетие, и вечером в воскресенье в Каракасе обычно царило чувство безысходности, когда люди с отчаянием осознавали, что в понедельник с первыми лучами рассвета им снова идти на работу – во враждебный лес лязгающих подъемных кранов.

Себастьяну легче, чем брату, удавалось преодолеть это состояние, поскольку он единственный в семье когда-то подумывал о перемене обстановки – о том, чтобы уехать в другие края, вопреки традиции семьи порвав связь с морем. А вот для Асдрубаль оказаться вдали от моря, которое он любил, да еще в окружении людей, с которыми у него не было ничего общего, было настоящей пыткой. Асдрубаль ненавидел город, чувствуя себя пленником, потому что с тех пор, как себя помнил, привык видеть бескрайнюю синь, а здесь, куда ни кинь взгляд, повсюду одни только громадные здания на фоне зеленых гор, совсем не похожих на охряные, фиолетовые или бордовые вулканы Лансароте.

– Как ты думаешь, мы когда-нибудь вернемся домой?

– Ты скучаешь?

– Ты даже не представляешь как! Я и за тысячу лет не смог бы привыкнуть жить вдали от нашего острова.

Они сидели друг против друга на штабелях кирпичей на самом верху строящегося здания и мяли мешочки с гофио, которое вместе с куском колбасы составляло их скудный обед, наблюдая за непрерывным потоком машин неугомонного города. Его новые шоссейные дороги тянулись в разные стороны, словно щупальца гигантского осьминога, растущего с одной-единственной целью – завладеть плодородной долиной, в которой в стародавние времена обосновалось дикое племя караков.

– И все же, я думаю, мы здесь многое могли бы сделать, – сказал Себастьян, открывая кожаный мешок и деля его содержимое на две части. – У меня есть планы на будущее: в этой стране полным-полно возможностей, она ждет не дождется людей с воображением и желанием работать и разбогатеть.

– У меня нет ни малейшего желания разбогатеть, – отрезал Асдрубаль. – По крайней мере, в таком городе, как этот. Первые же деньги, которые заработаю, я потрачу на покупку лодки и вернусь в море. – Ему было трудно понять брата. – Ты что, правда, можешь прожить вдали от моря?

– Мы всю жизнь провели в море, однако оно мало что нам дало. Возможно, настало время что-то изменить. Что предлагает море, кроме опасности, голода и неопределенности? Нас прозвали Вглубьморя, потому что мы прослыли хорошими рыбаками, однако многие поколения самых лучших заслужили только голод и нищету. Мама всю жизнь горбатилась и не могла купить себе новую одежду, и наших жен, если бы мы ими обзавелись, ожидала бы та же участь. Ты этого хочешь... чтобы еще десять поколений жили впроголодь?

– Я раньше никогда не испытывал голода.

– Знаю, – согласился Себастьян. – Ты всегда довольствовался колобком гофио и воблой, дай только возможность каждое утро отправляться в море, чтобы выловить рыбину покрупнее. Папа был такой же, потому что рыбачить было ему по душе, однако это было не совсем справедливо, особенно по отношению к нам, остальным, которые расплачивались за последствия...

– Ты же никогда не жаловался!

– Я и сейчас не жалею, потому что благодарен за детство, которое мне дали: у нас всегда была еда, и мы были окружены любовью. Однако, если представится благоприятная возможность, я постараюсь изменить к лучшему нашу судьбу.

Асдрубаль широким жестом показал на горы песка и кирпичей, расположенные вокруг, и со значением поднял вверх свой маленький кусочек дешевой колбасы.

– Ты считаешь это благоприятной возможностью? – насмешливо спросил он. – Мы приехали больше месяца назад, и единственное, что мне удалось, так это избежать падения в шахту вот этого лифта. – Он покачал головой. – Помнится, вы взяли меня в море, когда мне еще не исполнилось и десяти, и я с первого дня старался работать наравне со взрослыми. Вы ни разу не слышали, чтобы я жаловался. Но это! Это не для мужчин. Это для рабов!

– Скоро мы отсюда уедем.

– Когда?

У Себастьяна не было ответа на этот вопрос, и он не знал, когда тот появится, потому что на деле выходило так, что каждый день они трудились все упорнее, а положение только ухудшалось.

– Не знаю, – сознался он, вставая и тем самым давая понять, что обед закончен, и прислонился к толстому бетонному столбу, чтобы обвести взглядом город, простиравшийся у его ног – от Катиа до Петаре и от Палос-Гранде до холмов Белло-Монте. – Не знаю, – повторил он. – Но уверяю тебя, что я приехал сюда не для того, чтобы быть чернорабочим. Там, внизу, столько людей и столько денег, что наверняка найдется место и для меня. – Он зажег сигарету, первую из трех, что они на пару выкуривали за день, и, не оборачиваясь, закончил: – Осталось только его найти.

Асдрубаль тоже поднялся, взял у него сигарету и показал ею вниз:

– Думаешь, там найдется место и для меня? И для мамы? И для Айзы?

Было очевидно, что из них двоих Асдрубаль был не самым умным, однако он хорошо знал брата и специально упомянул об Айзе, чтобы вернуть его к действительности. Какие бы возможности Каракас ни предоставил им, Пердомо Вглубьморя, всегда приходилось считаться с одним важным обстоятельством, которое никак нельзя было исключить. Речь шла об Айзе.

Себастьян несколько мгновений стоял с рассеянным видом, а затем пожал плечами, признавая, что он не в силах решить проблему.

– А что ты предлагаешь с ней сделать? – спросил он. – Отправить ее на необитаемый остров? Надеть паранджу вроде той, что носят мусульманки? Ведь когда-то ей придется начать жить самостоятельно.

– Здесь? – удивился Асдрубаль. – Здесь, в Каракасе? Да ее разорвут на куски.

– Не все здесь дикари.

– На Лансароте их было еще меньше, а видишь, что получилось. В деревне-то ее уважали, потому что знали, что с Вглубьморя шутки плохи, но как только появились чужаки – мне пришлось одного убить, не то в ту же ночь убили бы ее. Не обольщайся! Тебе известно лучше, чем кому бы то ни было, что в Каракасе Айзе не место.

– А где ей место? – потерял терпение его брат. – В монастыре? В банковском сейфе? – Он стукнул по стене кулаком. – Если бы она, по крайней мере, была легкомысленной! Не проституткой – просто нормальной девчонкой! Боже праведный! Это приводит меня в отчаяние, потому что, сама того не желая, она превратила нас в своих рабов, а мне даже не хочется перестать им быть. – Он смущенно прищелкнул языком. – И я желал бы, чтобы кто-нибудь объяснил мне почему.

– Она наделена Даром.

– Дар! – Себастьян вновь устало опустил на грудь кирпичей и напоследок затянулся, прежде чем передать сигарету брату. – С самого рождения Айзы это слово преследует нас, словно речь идет о проклятии. – Он поднял глаза. – Этот Дар сломал жизнь тебе и мне.

– Отец тоже погиб из-за него, я это знаю, – согласился Асдрубаль. – Но я еще надеюсь, что когда-нибудь этот Дар опять станет тем, чем был в самом начале: Божьей милостью, с помощью которой Айза облегчала страдания хворых или указывала нам, где забрасывать снасти там...

– Жаль, в Каракасе нет рыбы, – съехидничал его брат.

– Зато есть хворые.

– Ты же знаешь, мама против того, чтобы Айза использовала Дар, – с горечью улыбнулся Себастьян. – Хотя люди здесь суеверные, и в четыре дня выстроилась бы очередь длиннее, чем в ярмарочный балаган. – Он покачал головой. – Нет! Нам надо постараться сделать так, чтобы она его утратила. – Он рассмеялся. – Если бы она вдобавок утратила зад и сиськи, наши неурядицы закончились бы.

Зазвенела сирена, призывая на работу, и Асдрубаль указал рукой на груды кирпичей, на которой сидел его брат.

– Ладно, хватит, – сказал он. – Сейчас наша проблема – перенести вот это все и не сверзиться вниз. Пошевеливайся, а то бригадир поглядывает в нашу сторону... и чуть что – позовет португальцев.

– Чертовы португальцы! – процедил Себастьян. – Некоторые работают за половину дневной платы, лишь бы им позволили ночевать на стройке. Так что деваться некуда!

Асдрубаль презрительно ткнул кирпичом в сторону города, простирившегося у его ног:

– И ты все еще утверждаешь, что найдешь себе место там, внизу! Разве что на кладбище!

Лусио Ларрас успешно справился с приказом. С наступлением темноты он втолкнул упирającego Мауро Монагаса в огромный серый «кадиллак» и провез его по самым темным и неузнаваемым улицам Ла-Кастельяны, Эль-Кантри и Альтамиры, прежде чем доставить в роскошный особняк своего хозяина. Тот принял Однорукого в элегантном кабинете, какой толстяку за всю его – уже долгую – жизнь не доводилось видеть ни во сне, ни наяву.

Дону Антонио Феррейре не пристало тратить время на общение с таким ничтожеством, как Мауро Монагас, поэтому он сразу же показал посетителю конверт, лежавший на столе.

– Здесь две тысячи боливаров... – сказал он. – Они твои. Взамен я хочу всего лишь образец почерка девушки, да чтобы ты держал рот на замке.

Толстяк Монагас, насмерть перепуганный с того самого момента, как Лусио Ларрас объявил, что ему придется пойти с ним, нравится ему это или нет, попытался унять неодолимую дрожь в своей единственной руке, сглотнул слюну и, собравшись с духом, спросил:

– Что ты собираешься делать?

– Забрать ее себе, естественно, – абсолютно невозмутимо ответил дон Антонио даз Нойтес. – Подобное создание не заслуживает того, чтобы томиться в четырех стенах. А ну как однажды местная шпана возьмет да и поднимется наверх, чтобы ее оприходовать? Я же могу дать ей все, что она пожелает.

– Это будет нелегко. Ее братья...

– Ее братья – всего-навсего голодранцы, – уверенно перебил его бразилец. – Когда они обнаружат письмо и прочтут, что она уходит, потому что не хочет жить взаперти, они ничего не смогут предпринять. А попытаются – я позабочусь о том, чтобы их выдворили из страны. – Теперь он заговорил другим тоном, очень решительным. – Среди моих клиентов есть очень и очень влиятельные люди, – сообщил он и, поскольку собеседник молчал, почтительно внимая, продолжил: – Придется им смириться, а потом я вышлю им кое-какие деньги, чтобы не поднимали шума. – Он покачал головой, словно его самого огорчало подобное поведение. – Я знаю этот тип людей: они все реагируют одинаково.

– Эти – нет, – осмелился возразить ему Мауро Монагас, вновь преисполнившись отваги. – Они никогда не поверят, что она ушла, сколько бы писем им ни оставила.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что Айза особенная. – Он помолчал. – Особенная не только внешне, она необычна во всем, и ее семья это знает. Если вы ее похитите, они весь мир перевернут.

В ответ на это дон Антонио даз Нойтес, заправила всего венесуэльского преступного мира в сороковые годы, лишь зажег длинную гаванскую сигару и выпустил густое облако дыма.

– Позволь мне самому об этом позаботиться, – заметил он. – Нашел чем испугать. Твое дело – раздобыть образец почерка и держать рот на замке. – Он одарил его светской улыбкой и решил выказать щедрость. – Если дело выгорит и эта девушка даст мне возможность заработать столько, сколько я думаю, получишь еще две тысячи боло. Идет?

Говоря это, он протянул руку, открыл конверт и рассыпал веером двадцать банкнот по сто боливаров. Это зрелище, по-видимому, сломило последнее сопротивление Однорукого Монагаса, который протянул свою единственную руку, схватил деньги и сунул их в карман безразмерных линялых штанов.

– Как скажете, – послушно согласился он. – Но помните, что я вас предупреждал: это очень дружная семья, – убежденно сказал он в заключение.

Дон Антонио Феррейра развалился в кресле, вытянул ноги, положил их на небольшую банкетку и, продолжая курить, смерил взглядом толстяка и заговорил с ним, точно с ребенком, который сам толком не знает, что лепечет.

– Послушай, Монагас, – начал он. – Перестань переживать за них... или за нее. Это самое лучшее, что с ней может произойти. Какая судьба ей уготована? Сидеть взаперти, пока не выйдет замуж за какого-нибудь каменщика, который наделает ей детишек и будет ее поколачивать? – Он налил себе щедрую порцию коньяка, не выказав ни малейшего намерения угостить собеседника, и, глубоко вдохнув аромат напитка, продолжил: – В той среде, в которой она обитает, никто не сумеет оценить ее по достоинству. – Он, не спеша и смакуя, сделал глоток. – А вот со мной все будет по-другому: я предоставлю ей лучших клиентов. Немногих и самых избранных: людей с положением, способных оценить то, что я им вверяю. Не больше одной или двух услуг в день. Представляешь, сколько может отвалить какой-нибудь Мелькиадес Медина или сам Ганс Майер за то, чтобы провести ночь с такой вот девушкой, если она практически сама невинность. Я буду с нею щедр, можешь мне поверить: положу на ее счет в банке двадцать процентов того, что она заработает. – Он хитро улыбнулся. – Кто знает! Вдруг какой-нибудь чудака ею увлечется, заберет к себе, а там, глядишь, и женится. – Он встал и направился к двери, тем самым ясно давая понять, что собеседнику пора уходить. – Я могу сделать ее богатой, – подытожил он. – А ее семья ни на что другое не способна, кроме как держать ее в черном теле. Я уверен, что когда-нибудь она мне еще спасибо скажет.

Сидя в «кадиллаке», кружившем по незнакомым улицам, утопающим в зелени, Однорукий Монагас с банкнотами в кулаке, который он так и держал в кармане, безуспешно пытался привести мысли в порядок. Неужели все произошедшее не привиделось ему в кошмарном сне и он едет в одном из автомобилей дона Антонио даз Нойтеса, а в кармане у него столько денег, сколько он никогда не видел за свое почти шестидесятилетнее существование?

Две тысячи боливаров!

Две тысячи боливаров, а то, глядишь, еще две за такой пустяк, как что-нибудь написанное девушкой. Она часто, когда он за ней подглядывал, что-то записывала – по-видимому, очень личное – в дешевой тетрадке, которую затем оставляла на полке, и при этом ни ее мать, ни братья даже не пробовали посмотреть.

Почему?

Почему никто из них никогда не стремился прочитать, что она там написала?

Почему он сам, прекрасно зная о существовании тетрадки и испытывая такое влечение к девушке и ко всему, ее касавшемуся, ни разу не воспользовался долгим воскресным отсутствием жильцов, чтобы узнать об Айзе что-то еще из ее записок?

Что за странная сила заставляла его держаться подальше от простой тетрадки в синей обложке, которая лежала у всех на виду, но при этом все словно старались ее не замечать?

«Я не хочу, чтобы они возвращались, но как попросить их о том, чтобы они ушли?»

«Я люблю их, когда они рядом, и в этот момент не чувствую страха, но... что потом?»

«Как умер Дамиан Сентено? Или дон Матиас Кинтеро? Иногда они приходят ко мне и винят меня в своем несчастье, но при этом не объясняют, какое отношение я имею к тому, что они сейчас находятся в таком месте, которое их пугает и где им не по себе...»

Сидя на том самом стуле, на который садилась писать Айза, когда он часами за ней подглядывал, Однорукий Монагас тщетно пытался обнаружить хоть какой-нибудь смысл в рядах бессвязных фраз (почерк оказался мелким и в высшей степени аккуратным), заполнивших почти треть голубой тетради.

Кто были эти персонажи? Существовали ли они на самом деле, были плодом воображения девчонки, не находившей себе места в заточении, или же действительно речь шла о мертвых, которые с ней общались (это об их присутствии он догадался, заметив, что она словно разговаривает, даже не двигая губами)?

Было воскресное утро, немногочисленные постояльцы отправились на поиски менее вонючего и мрачного места, и толстяк Мауро Монагас, оставшийся один, почувствовал озноб, несмотря на духоту в камерке, в которую практически не поступал воздух. Он медленно обвел взглядом комнату, пытаясь увидеть сидевшие на койках тени всех этих существ, которые, похоже, стали здесь частыми гостями.

«Что они от меня хотят? Как убедить их в том, что, как бы я ни пыталась, я ничего не могу для них сделать?»

Он не смог продвинуться дальше четвертой страницы и вернулся к себе, поспешно покинув камерку, которая теперь казалась ему населенной призраками. Ему даже чудилось, что он слышит за стеной приглушенные голоса и неясные шорохи.

Кем была эта девчонка, перед лицом которой он чувствовал себя неспособным произнести и полдюжины связных слов? В ее присутствии на него нападала такая же робость, как в детстве в присутствии громадного мулата, который зверски избивал мать, гоняя ее по всему дому, после чего они запирались на целые часы в одной из комнат.

Мауро Монагас всю жизнь ни во что не верил, разве что в судьбу-злодейку, по вине которой родился одноруким, толстым, сыном шлюхи и бедным. Святоши, заикленные на богослужениях, казались ему такими же глупцами, как и поклонники Марии Лионсы¹⁴ с их языческими ритуалами, которые, по сути дела, были венесуэльским вариантом гаитянского вуду¹⁵ или бразильских макумба¹⁶. Однако в это воскресенье, лежа целый день в кровати и не чувствуя ни голода, ни желания открыть бутылку пива, он мучился вопросом: а вдруг он столько лет ошибался и все-таки существует иной мир, отличный от повседневного, в котором все только и думают о том, чтобы урвать себе хотя бы малую толику богатства, а там, глядишь, и кусок побольше?

За свою жизнь Мауро Монагас прочитал немного книг, но эти три страницы грошовой синей тетрадки впечатлили его больше, чем все книги, до сих пор попадавшие ему в руки.

¹⁴ Мария-Лионса – богиня природы, любви, мира и гармонии. Ее культ сочетает в себе элементы католицизма, верования индейцев и африканские мифы.

¹⁵ Вуду – синкретическая религия потомков чернокожих рабов, вывезенных из Африки.

¹⁶ Макумба – группа бразильских афрохристианских синкретических сект (кандомбле, умбанда, квимбанда).

«Где же находится Бог, если Он никогда не дает нам, живым, неопровержимого доказательства своего существования, а мертвых равным образом держит в неведении?»

«Кого я буду умолять о помощи, когда тоже буду блуждать по миру, лишенному форм?»

Он спрашивал себя, может, все дело просто-напросто в том, что бедная девушка безумна, поэтому семья и прячет ее от посторонних, и содрогнулся, представив себе Айзу – «свою Айзу» – запертой в доме умалишенных. И точно так же содрогнулся, представив себе Айзу – «свою Айзу» – запертой в особняке дон-Антонио Феррейры, в лапах какого-нибудь Мелькиадеса Медины или этого ублюдка Ганса Майера, которого пресса называет нацистом, а он уже успел стать владельцем двенадцати самых крупных зданий Каракаса.

Кто из них предложит больше, лишь бы оказаться первым, кто будет ласкать ее чудную кожу, погрузит лицо между бедер, которые ему не надоедало разглядывать часами, и наконец проникнет в самую сокровенную область этого неповторимого тела, которое он уже считал своим, столько раз тайком его разглядывая?

Медина был креол, кутила и гуляка, который проматывал направо и налево деньги от продажи – метр за метром – обширных кофейных плантаций на востоке города, полученных им в наследство. А Майер – хладнокровный спекулянт, который с огромной скоростью богател, скупая эти самые кофейные плантации, чтобы превратить их в городские микрорайоны или в машины из железобетона.

У них не было ничего общего, кроме, разве что, любви к женщинам, и Мауро Монагас до вечера упивался болью, представляя себе, как дон-Антонио даз Нойтес предлагает одному и другому свой живой товар. Это прелестное создание, которое они никогда не смогут оценить иначе как в боливахах, будет выставлено на аукцион, словно кобыла или антикварная мебель.

Он потянулся, отодвинул потертый ковер, затем кирпич и еще раз взглянул на двадцать банкнот, которые дал ему бразилец. Он-то знал – лучше, чем кто-либо другой, – что взял деньги не из жадности, а из страха, потому что был всего-навсего толстым и жалким Одноруким Монагасом, у которого в присутствии таких людей, как Феррейра или Лусио Ларрас, дрожали ноги и выступал холодный пот.

– Но ведь она же моя!

Его самого испугала решительность, с какой он это сказал. Громкий возглас, прозвучавший в пустом доме, нес в себе силу и страстность неоспоримой истины. Айза принадлежала ему, пусть он ни разу не коснулся хотя бы ее волоска, не посмел тронуть ее даже пальцем своей единственной руки. Айза принадлежала ему, несмотря на эти банкноты и на бразильца с его угрюмым телохранителем; Айза и дальше будет ему принадлежать, плевать на все миллионы этой публики вроде Мелькиадеса Медины или нациста Ганса Майера. А ведь он просил совсем немного! Чтобы было отверстие в стене и она постоянно находилась там, по другую сторону, далекая и задумчивая, – шила, вела безмолвную беседу с таинственными существами, о которых упоминала в своих записках. Он не просил ни о том, чтобы ему было позволено овладеть ею, ни о том, чтобы ласкать ее или хотя бы коснуться края одежды. Он хотел только одного: чтобы она своим присутствием озаряла его существование, давая возможность наслаждаться грацией каждого ее движения.

– Разве это много?

Конечно, много для сына шлюхи, родившегося одноруким, который шестьдесят лет только и делал, что толстел да каждую субботу пытался угадать победителей шести заездов на скачках, надеясь вырваться из нищеты. И в этот нескончаемый воскресный вечер Мауро Монагас своим умом пришел к печальному выводу: его жизнь растратчена впустую, растоптана копытами бездельниц лошадей, которые так ни разу и не пересекли финишную черту в предсказанном им порядке.

И тут он сообразил, что забыл заполнить купоны, и это когда впервые в жизни у него на руках оказалось достаточно денег, чтобы сделать серьезную ставку!

В полночь Айза начала метаться во сне, мучаясь кошмарами, несколько раз перевернувшись, застонала, словно ее истязали, и в конце концов проснулась и села с широко раскрытыми глазами, в которых застыл ужас.

Аурелия тут же зажгла тусклую лампочку, которая осветила комнату унылым желтым светом, и Асдрубаль с Себастьяном в свою очередь, хоть и были вымотаны, открыли глаза.

– В чем дело?

– Мы должны уехать.

Они ошарашенно уставились на Айзу. Старший брат первым сел на край постели и пристально посмотрел на девушку.

– Уехать? – переспросил он. – Куда же?

– Не знаю, – призналась она. – Я не знаю, в чем дело, только все в один голос кричат, чтобы я уезжала.

– Кто это «все»?

Ответа не последовало, но, похоже, никто не настаивал на том, чтобы его получить, и Аурелия первая встала с кровати и надела свое единственное платье.

– Ну же, дочка! – попросила она. – Постарайся успокоиться и объясни, что с тобой происходит.

Айза посмотрела на нее, а затем повернулась к братьям. Асдрубаль откинулся к стене, не покидая кровати, и зажег сигарету, хотя знал, что нарушает запрет матери: та не разрешала курить в душной комнате. Он пару раз затянулся и передал сигарету брату, терпеливо выжидая, потому что хорошо знал свою семью и был готов к тому, что, когда младшая просыпалась вот так, среди ночи, дальше могло стрястись все что угодно, какой бы дикостью это ни казалось.

– Мне грозит опасность, – наконец сказала девушка. – Мы все в опасности и должны уехать.

– Сейчас? – удивился Себастьян.

Она уверенно кивнула:

– Сейчас.

Ее брат отрицательно замотал головой.

– Об этом не может быть и речи! – воскликнул он. – Я целый день таскал мешки и месил раствор. И мне что-то не улыбается бросаться черт знает куда в два часа ночи.

Айза лишь повернулась к матери и повторила с простотой, которая действовала на ту обезоруживающе:

– Если мы останемся, случится что-то ужасное.

– Ты уверена?

– Ты же знаешь, что они никогда не ошибаются.

Аурелия Пердомо внимательно посмотрела на дочь, пытаясь найти ответ в глубине ее глаз, и легким кивком выразила свое согласие.

– Ладно! – произнесла она тоном, не допускающим возражений. – Собирайте вещи.

Себастьян только фыркнул и прикрыл глаза в знак досады и смирения, а Асдрубаль вновь протянул брату сигарету, чтобы хоть как-то его успокоить, и не спеша поднялся.

За стеной Мауро Монагас, разбуженный голосами, открыл глаза и, осознав, что происходит что-то необычное, приблизился к стене, со всеми предосторожностями вынул деревянную затychку и прильнул глазом к отверстию.

Он увидел, что оба брата одеваются, повернувшись спиной к Айзе; та в свою очередь последовала их примеру. В поле его зрения также попали руки Аурелии, поспешно укладывавшие в картонную коробку вещи, разбросанные по комнате.

Он всполошился.

Сердце ухнуло у него в груди, и он почувствовал такую же дрожь в ногах, как когда впервые увидел девушку обнаженной.

На какое-то время он растерялся, не понимая, что происходит, но вскоре догадался, что его постояльцы готовятся к отъезду.

Несколько секунд он размышлял, прислонившись к стене, а затем снова заткнул отверстие, с трудом натянул штаны и со своим огромным, ничем не прикрытым пузом вывалился в коридор и постучал в дверь.

– Что происходит? – спросил он Себастьяна, когда тот высунул голову.

– Мы уезжаем.

– В такое время? Почему?

Тот обернулся назад, удостоверился в том, Айза уже одета, и открыл дверь настежь, пожав плечами, пытаясь тем самым показать свою неосведомленность и бессилие.

– Это проблемы нашей семьи, мы все совсем рехнулись! – прокомментировал он. – Айза уверяет, что здесь нам грозит серьезная опасность.

– Что за опасность?

Толстяк Монагас почувствовал, как зеленые глаза девушки сверлят его, словно желая увидеть насквозь или прочесть тайные мысли, и испытал сильное желание очутиться как можно дальше отсюда: у него вдруг возникла уверенность, что ей все известно.

И все же он переспросил упавшим голосом, повернувшись к матери, которая заканчивала укладывать скудные семейные пожитки:

– Что за опасность?

– Мы этого не знаем, – неохотно откликнулась Аурелия, не поднимая взгляда. – Но если моя дочь говорит, что мы должны уехать, значит, так надо.

– Но ведь вы заплатили до субботы, – запротестовал Однорукий. – Оставайтесь по крайней мере до этого дня!

– Нет! Мы съезжаем.

Это открыл рот Асдрубаль – впервые за эту ночь, – но его тон ясно говорил о том, что парень настроен решительно.

– Куда?

– Мы этого не знаем.

– Как же так! – растерялся Монагас. – Как же я вас найду?

– Зачем?

– В случае необходимости.

– Не думаю, что мы когда-нибудь чем-то сумеем вам помочь.

– А если вам придет письмо или кто-то будет вас спрашивать?

– Мы не ждем писем. – Асдрубаль на мгновение замолчал и прямо заявил: – И нас никто не знает.

Однорукий Монагас обвел взглядом лица всех четверых – а их глаза были обращены на него, – понял, что все пропало, и сник, вдруг почувствовав себя побежденным. Он сделал два шага, рухнул на край ближайшей кровати, понутив голову, и стал водить рукой по своей огромной потной лысине.

– Что со мной теперь будет? – прохрипел он. – Боже праведный! Что со мной будет?

Пердомо недоуменно переглянулись и молча уставились на лоснящегося от жира толстяка, вдруг превратившегося в олицетворение горя и отчаяния.

Тогда Аурелия села напротив и положила руку ему на колено.

– Да не расстраивайтесь вы так! – сказала она. – Найдете других постояльцев. Разве стоят того деньги, что мы вам платили!

Тот не сразу отреагировал и помедлил, прежде чем отважиться взглянуть ей в глаза.

– Вы не понимаете, – сказал он наконец. – И никто бы не понял... – Он сделал паузу. – Но она права: вам лучше уехать. Уезжайте и не вздумайте возвращаться... Никогда!

– Почему?

– Потому что Антонио дас Нойтес найдет ее, если она останется в Каракасе. Или в Маракайбо, Валенсии, Пуэрто Кабельо или в любом другом венесуэльском городе. – Толстяк скорбно покачал головой. – У него повсюду есть люди, они сообщат ему о любой девушке, которая годится для его бизнеса. – Говоря это, он не сводил взгляда с Айзы, словно, кроме нее, вокруг больше никого не было. – Он хотел тебя похитить, – добавил Монагас. – Хотел превратить в самую знаменитую в стране проститутку. Уж он-то знает, как этого добиться. Ему лучше, чем кому бы то ни было, известно, как накачать девушку наркотиками и развратить, чтобы она исполняла любые прихоти клиентов.

Асдрубаль с угрожающим видом шагнул вперед.

– Вы это знали! – воскликнул он. – Знали и ничего не сказали, сукин вы сын!

Толстяк даже не удостоил его взглядом.

– Я испугался, – сказал он. – Вы бы тоже испугались, если бы столкнулись с этим бразильским мерзавцем. Уезжайте! – настойчиво повторил он. – Пожалуйста, уезжайте туда, где он никогда не сможет ее найти!

– Каким образом? – поинтересовался Себастьян. – Ведь нам еще не выдали ни удостоверений личности, ни вида на жительство. Как только мы покинем Каракас, нас тут же схватит полиция.

Однорукий оторвал взгляд от Айзы и посмотрел на него:

– В Управлении по делам иностранцев работает один негр, Абелардо Чиринос. Если вы уже подали документы, он за пару часов все уладит за пятьсот боливаров... Скажите ему, что вы от меня!

– У нас нет денег.

– У меня есть... – сказал Мауро Монагас. – Мне их дал Феррейра. Заберите их себе! Пусть за свои же деньги останется с носом. Это сукин сын! Не чета мне: я таким родился, – а вот он настоящий выродок, который хотел отдать Айзу этой сволочи Медине или нацисту Майеру... – Он улыбнулся чуть ли не впервые за много лет. – Как же приятно подложить им свинью! – признался он. – И радостно осознавать, что при всех своих деньгах никто не сможет заплатить за то, чтобы прикоснуться к ней первым.

Оставшись один – еще в большем одиночестве, чем когда бы то ни было, – в грязной комнатенке, где провел столько лет, Однорукий Монагас лег на кровать и, глядя в потолок, стал перебирать в памяти все мгновения, которые он пережил здесь, прильнув глазом к отверстию в стене. Он спрашивал себя, что же теперь его ожидает, ведь он больше не сможет заполнить свое существование чудесным присутствием неповторимой Айзы.

Он почувствовал непреодолимое желание плакать, плакать без всякого стеснения, как он не делал с тех самых пор, когда был самым одиноким, печальным и несчастным ребенком на свете. Он все еще плакал, когда в дверь постучали, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы сдержаться и вытереть глаза грязным носовым платком, прежде чем открыть.

– В чем дело? – с ходу накинулся на него Лусио Ларрас. – Я жду уже больше двух часов. Где она?

– Кто?

Тот посмотрел на него как на сумасшедшего:

– Кому еще быть, тупица? Девушка.

– Она ушла, – ответил Однорукий Монагас с неожиданным спокойствием, удивившим его самого. – Покойники предупредили ее о том, что ты придешь, и она сбежала. – Он махнул рукой, показывая, чтобы тот оставил его в покое. – И передай своему шефу, чтобы не трудился

ее искать. Он ее никогда не найдет! Айза не для него и не для Майера или какого-нибудь другого козла. Она ничья. И в жизни не станет принадлежать кому бы то ни было!

Лусио Ларрас посмотрел на него так, словно ему стоило огромных усилий понять, о чем он говорит, и это на самом деле стоило ему таких усилий. Он ничего не сказал, но заглянул в соседнюю комнату и удостоверился в том, что все ушли, забрав с собой то небольшое, что у них было. Вернувшись, властным и не оставляющим сомнений жестом пригласил толстяка последовать за ним.

– Пошли! – приказал он. – Дон Антонио наверняка захочет с тобой поговорить.

– А если я откажусь?

– Я сверну тебе шею прямо здесь. Ясно?

– Яснее некуда.

Он сунул ноги – прямо так, без носков, – в старые башмаки и стал застегивать свою вечную заношенную гуяберу, культей придерживая ее на огромном животе. Когда полчаса спустя Лусио Ларрас втолкнул его к дону Антонио Феррейре, тот окинул его долгим взглядом, в котором читались недовольство и недоумение.

– В чем дело? – спросил бразилец. – Где девчонка?

– Она смылась, – поспешил ответить телохранитель. – В доме никого не осталось, а этот только и знает, что нести какую-то ахинею. Поэтому я его сюда и приволок.

Бразилец повернулся к Мауро Монагасу и смерил его взглядом, ожидая объяснений.

– Она проснулась посреди ночи, говоря, что ей угрожает опасность, убедила братьев, и они ушли, – пояснил толстяк. – Я попытался их задержать, но это оказалось невозможно.

– И ты хочешь, чтобы я поверил в эту чушь?

– Это правда.

– Ты что, меня разыгрываешь? Соплячка просыпается, говорит, что подвергается опасности, и все встают и уходят? В жизни не слышал ничего подобного!

– Я же вам говорил, что она особенная. – Монагас на мгновение замолчал и добавил, понизив голос: – Полагаю, она разговаривает с мертвецами.

Дон Антонио даз Нойтес ошарашенно посмотрел на него, а затем повернулся к Лусио Ларрасу, словно прося разъяснений, однако тот сохранял невозмутимость, потому что, судя по всему, ничто на свете его не удивляло.

– Разговаривает с мертвецами, да? – повторил бразилец, теребя кончик носа: это был нервный жест, который у него не получалось контролировать. – Прекрасно! Скоро ты сможешь поболтать с нею, если не объяснишь все толком. – Он сделал паузу и, казалось, решил проравить толстяка взглядом. – Ладно, – согласился он. – Предположим, что ты действительно ничего ей не сказал и они уехали сами. Почему тогда ты меня не предупредил? Достаточно было взять телефонную трубку и позвонить любой из моих девочек. Через пять минут я был бы уже в курсе.

– А я и не хотел, чтобы вы об этом узнали.

Можно было с уверенностью сказать, что вот тут-то дон Антонио Феррейра и в самом деле растерялся. Он посмотрел на однорукого Мауро Монагаса так, словно никогда его раньше не видел.

– Ты не хотел, – пробормотал он, не переставая теребить кончик носа. – Почему?

– Потому что Айза не рождена быть шлюхой и для того, чтобы ее лапали типы вроде Майера. – Он усмехнулся. – Я отдал ей ваши деньги и дал время, чтобы скрыться. – Он сделал паузу. – Вам ее никогда не найти, – уверенно заключил он. – Никогда!

– Это мы еще посмотрим, – невозмутимо ответил бразилец. – Я могу сделать так, что в Венесуэле человека отыщут даже под землей. – Он начал рассеянно насвистывать мелодию карнавальная песенки, а затем сказал так, словно речь шла о чем-то малозначительном: – Однако

есть еще одна проблема – ты ведь прикарманил мои две тысячи боливаров. Что же мне с тобой сделать?

Мауро Монагас мотнул головой назад, в сторону Лусио Ларраса, который находился сзади, рядом с дверью, и ответил в том же тоне:

– Он уже сказал: свернуть мне шею.

Дон Антонио дас Нойтес улыбнулся: казалось, ситуация начала его забавлять. Он поискал бутылку коньяка, сделал большой глоток и подержал ароматный напиток во рту, слегка наклонив голову, с иронией наблюдая за толстяком, который стоял перед ним с явным вызовом.

– Вот, значит, чего бы тебе хотелось? – насмешливым тоном спросил бразилец. – Чтобы Лусио отправил тебя на тот свет, когда ты чувствуешь себя счастливым, принося себя в жертву ради любимой женщины? Это же надо! – воскликнул он. – Старики вечно выставляют себя на посмешище, когда влюбляются. Одни спускают все ради первой попавшейся шлюшки, которая хорошо сосет... Другие бросают жен и даже детей, а ты, не имея ни жены, ни детей, ни возможности разориться, решил пожертвовать своей свинской жизнью. – Он отрицательно помотал головой. – Только меня это не устраивает, Монагас! Твоя жизнь не стоит двух тысяч боливаров! Даже двадцати! И я не собираюсь оказывать тебе такую услугу – убивать как героя. – Он злорадно усмехнулся. – А хочу, чтобы ты всю жизнь меня помнил. И ее! Клянусь, ты у меня будешь вспоминать об этой девушке всякий раз, когда тебе приспичит высморкаться или подтереться. – Он повернулся к Лусио Ларрасу и кивнул. – Убери его отсюда! – сухо приказал он. – Убери его, но не убивай: отрежь ему другую руку.

Негр Абелардо Чиринос, вероятно, смекнул, что дело срочное, и запросил вдвое больше обычного, но, когда ему это пообещали, проявил расторопность, несвойственную Управлению по делам иностранцев, потому что через час он появился вновь и принес четыре документа; передавая их одной рукой, другой взял тысячу боливаров.

– И что теперь? – спросил Себастьян, когда они опять оказались на улице.

– Ты же слышал, что сказал Монагас, – ответила мать. – Мы уезжаем. Надо как можно скорее покинуть город и поискать место, где этот человек – как там его зовут – никогда не сможет найти твою сестру. Я уверена, что это тот самый – тощий, которого мы видели в парке. Он еще был похож на стервятника, который кружит вокруг своей добычи. Давайте поскорей уедем! – взмолилась она.

– К морю?

Себастьян повернулся к брату: это он задал вопрос.

– Если они будут нас искать, то начнут с побережья. Разве не так?

– Так. Полагаю, что так, – согласился Асдрубаль. – Но у этого типа в городах тоже свои люди.

– Согласен! Нам не следует ехать ни к морю, ни в города. – Себастьян сделал паузу, улыбнулся: казалось, он посмеивается над самим собой и над ситуацией, в которой они оказались. – Остаются сельва, льянос и Анды... Кому решать?

– Не думаю, что сейчас время шутить, – рассердилась мать. – Над нами висит серьезная угроза. – Она помолчала. – И не думаю, что сельва – подходящее место для твоей сестры.

– Нет, конечно. Не подходящее. – Себастьян сделал паузу. – Ия вовсе не шучу. Просто иногда у меня складывается такое впечатление, что кто-то где-то пытается над нами поиздеваться. Куда он стремится нас загнать? Да существует ли на свете такое место, где бы мы могли жить спокойно? Куда бы мы ни направились: в города, сельву, льянос или горы, – повсюду есть мужчины, а мы уже знаем, что происходит с появлением Айзы.

– Она не виновата.

– А ее никто и не обвиняет. – Он повернулся к сестре, которая шла молча, опустив голову и с отсутствующим видом, словно находилась очень далеко отсюда. – Тебе прекрасно известно, малышка, что я тебя не виню, однако, нравится нам это или нет, такова действительность. – Он

покачал головой. – Мне кажется, будто я странствую по свету с бочонком пороха под мышкой, ожидая, что кто-то вот-вот подожжет фитиль... – Он взял ее за подбородок и заставил взглянуть ему в глаза: – Почему бы не решить это тебе? Льянос или Анды?

Айза остановилась посреди тротуара; другие тоже остановились и посмотрели на нее.

Она была необычайно серьезна и выглядела так, будто ей все шестьдесят, когда сказала:

– Что-то случится, куда бы мы ни направились. – Она сделала длинную, очень длинную паузу и затем очень тихо добавила: – Только когда я исчезну, вы сможете жить спокойно.

Они так и замерли посреди тротуара на Университетском проспекте, а в двух шагах от них уже начало бурлить уличное движение. Каракас жил своей обычной жизнью – с машинами, рычащими автобусами и спешащими прохожими, которые по рассеянности налетали на застывших посреди улицы Пердомо.

Аурелия Пердомо обняла дочь, свою младшенькую, – женщину, которая вымахала выше ее, – и зашептала:

– Ты же знаешь, что ты наша радость, и если ты исчезнешь, жизнь потеряет смысл. – Она погладила ее по голове привычным ласковым жестом. – Единственное, о чем мы просим, – никогда не меняйся, потому что ты такая, какая есть, и мы хотим, чтобы такой и осталась. – Она повернулась к Себастьяну: – А теперь ты решай, ты же старший. Куда направимся?

Тот пожал плечами:

– Не все ли равно? Единственное, что приходит мне в голову, это пойти на автовокзал и сесть в первый же автобус.

– В Сан-Карлос.

– Сан-Карлос?

– Да. – Кассир начал терять терпение. – Этот автобус едет по маршруту: Маракай, Валенсия и Сан-Карлос. А в понедельник возвращается через Валенсию и Маракай обратно в Каракас. Неужели вам это так сложно понять?

– Нет. Мне не сложно это понять. Я всего-навсего хочу, чтобы вы мне объяснили, где находится Сан-Карлос.

Человечек взглянул на Себастьяна поверх очков, словно подозревая, что его разыгрывают, однако лица всех четверых пассажиров хранили серьезное выражение (одно из них было такое, прекраснее которого он не встречал), и, повернувшись, он ткнул в какую-то точку на замызанной и засиженной мухами карте, которая висела на стене за его спиной.

– Сан-Карлос находится вот здесь, – показал он. – В штате Кохедес.

– Там красиво?

Он недоуменно посмотрел на женщину, которая задала вопрос.

– Не имею понятия, сеньора. Я там никогда не был. Для меня дальше Лос-Текес если кто не мечет стрелы, значит, стучит на барабанах. Там живут одни только индейцы и негры. Я родился в Каракасе, и меня отсюда не вытащить даже под дулом пистолета.

– Как вы думаете, мы найдем там работу?

– Вы с островов?

– Да.

– В таком случае вполне возможно. Жителям льянос нравятся канарцы. Они говорят, что вы умеете работать на земле. – Кассир несколько раз побарабанил пальцами по нижней части окошка в знак того, что начинает терять терпение. – Ну, давайте же! – поторопил он. – Решайте! Едете вы Сан-Карлос или нет? Не могу же я целый день заниматься вами.

Себастьян вопросительно посмотрел на мать: она молча кивнула – и начал пересчитывать деньги.

– Ладно, – согласился он. – Дайте мне четыре билета. Сколько времени до отправления?

– Двадцать пять минут. Вы можете подождать в буфете.

Они расположились в буфете и, заказав себе арепы и напитки, заметили, что большинство посетителей не сводят взгляда с Айзы, переговариваются и даже порываются подойти ближе, хотя было ясно, что присутствие Себастьяна и Асдрубала их останавливает.

Наконец с другого конца стойки ясно прозвучал голос:

– Не дури! Это братья.

Малосимпатичный с виду мулат, который даже не снял желтую рабочую каску, выкрикнул на весь буфет:

– Прошу прощения, сеньора! Не хочу вас беспокоить, просто мы здесь с товарищами поспорили. Правда ли, что все трое – ваши дети?

Аурелия внимательно посмотрела на спрашивающего, заметила, что все, кто был в баре, ждут ответа, и после короткой заминки отрицательно покачала головой, указывая рукой на Айзу и Себастьяна.

– Вот эти двое – мои дети, – сказала она и затем кивнула в сторону Асдрубала: – А это мой зять...

По широкому залу пробежал легкий говорок разочарования, и не одна пара глаз с завистью воззрилась на Асдрубала, который, хотя в первый момент и растерялся, постарался изобразить невозмутимость.

Когда стало заметно, что интерес мужчин к Айзе уменьшился из-за того, что она была замужем, а ее благоверному, судя по виду, ничего не стоило прошибить стену кулаком, Асдрубаль наклонился над столом и тихо прошептал:

– А почему не Себастьян? Он же старше.

– Себастьян с Айзой похожи. Они пошли в меня и в род Асканио. Ты пошел в отца. – Аурелия сморщила нос, в шутку изобразив досаду. – Ты сильнее и грубее. Глядя на твои бицепсы и ручки, они сто раз подумают, прежде чем решиться пристать к твоей «жене».

– Неплохая идея, – согласился Себастьян, потягивая лимонад, словно речь шла о жаре или о том, что собирается дождь. – На самом деле, совсем неплохая, по крайней мере, пока мы перебираемся с места на место.

– У меня есть и получше, – заметила Аурелия.

Все выжидающе посмотрели на нее.

– Какая?

– Притвориться, будто Айза беременна.

– Что ты сказала? – удивились они.

– Будто Айза беременна, – повторила она и обвела детей взглядом, в котором мелькнуло лукавство. – Как, по-вашему, найдется человек, способный проявить неуважение по отношению к беременной женщине?

– Кажется, я начинаю понимать, – произнес Себастьян. – И как же ты думаешь это устроить?

– С помощью просторного платья, а под него что-то подложить. – Мать кивнула в сторону торговых палаток, занимавших большую часть противоположной стороны улицы. – Вон на том рынке мы могли бы все это найти, а еще пару латунных обручальных колец. – Она повернулась к дочери: – Ты ведь не против, правда?

Девушка опустила голову, избегая ее взгляда.

– Мне стыдно, – сказала она.

Аурелия понимающе улыбнулась.

– Почему? – спросила она. – Я была немногим старше тебя, когда ждала твоего брата, и испытывала гордость, а не стыд. Ожидание ребенка – это прекрасно.

– Наверно, это так, когда ждешь его от любимого человека, а не тогда, когда знаешь, что это все для отвода глаз и на животе у тебя лишь тряпки.

– Это помогло бы нам избежать многих осложнений, – заметил Себастьян.

Айза не ответила; брат понял, что сейчас она снова погрузится в долгое молчание, и решил проявить настойчивость:

– Послушай, малышка, мы не знаем, что нас ожидает в Сан-Карлосе, ты же видела, как все повернулось здесь, и это при том, что тебя держали взаперти. Как сказал тот человек, за Лос-Текес эта страна еще остается полудикой. – Он заставил сестру посмотреть ему в глаза. – Ты слишком красива, с каждым днем эта красота все заметнее, и, как бы ты ни пыталась ее скрыть – а я знаю, ты стараешься, – мы постоянно попадаем в разные истории. Но, как сказала мама, каким бы негодяем ни был мужчина – если только это не психически больной человек, – он почти всегда проявляет уважение к женщине, которая ждет ребенка. – В голосе Себастьяна послышались умоляющие ноты. – Сделай это ради нас! – попросил он. – Только до тех пор, пока мы не составим себе ясного представления о том, куда направляемся.

Девушка долго смотрела на него, а затем повернулась к Асдрубалу и к матери, которые молча не сводили с нее глаз, и наконец слегка кивнула в знак согласия:

– Хорошо.

Они перешли на другую сторону улицы и купили просторное платье из перкаля в розовую и белую клетку, два дешевеньких колечка и небольшую диванную подушку, которая добавила немного бесформенности великолепному телу Айзы.

Прямо там, в темном подъезде, пока братья стояли на карауле, Аурелия помогла ей переодеться, и, когда наконец она предстала перед ними в новом облике, порозовевшая и с опущенными глазами, Себастьян окинул ее взглядом и со скептической миной покачал головой.

– Черт побери! – пробормотал он. – Просто не знаю, что нам с тобой делать. Ты стала еще красивее!

– Дурак!

– Дурак? – удивился брат. – Поищи-ка зеркало и взгляни на себя. – Он повернулся к Асдрубалу: – Скажи ей об этом ты! Разве это не удивительно?

Это и правда было удивительно, и они тут же в этом убедились, потому что теперь она притягивала к себе взгляды не только мужчин, но даже женщин. Те ласково улыбались при виде этой великолепной женщины с лучистым девичьим лицом, походкой королевы и обликом Той, Которая открыла для человечества – вот только сейчас – благодать материнства.

Когда допотопный автобус начал, урча и пыхтя, преодолевать первые склоны и повороты Лос-Текес, Себастьян, который молча разглядывал профиль своей сестры, сидевшей впереди рядом с Асдрубалем, повернулся к Аурелии, которая смотрела в окно, и тихо спросил:

– Скажи мне правду! Действительно ли мы все трое дети одного отца? Ты, часом, не встречалась с каким-нибудь принцем, который бросил якорь в Плайя-Бланка, или, может быть, к тебе наведалься марсианин, перед тем как родилась Айза?

– Иди ты знаешь куда! – был суровый ответ. – Как ты смеешь проявлять такое неуважение к матери?

Себастьян ласково похлопал ее по плечу и положил руку на руку матери – это был нежный жест сыновней любви.

– Не сердись, но, думаю, твоя ошибка была в том, что ты родила слишком красивых детей при такой бедности, – сказал он, показывая на себя и на сестру с братом. – Будь мы миллионерами, у нас не возникло бы проблем, но ведь считается, что рыбак с Лансароте не может позволить себе никакой роскоши, даже иметь особенных детей. – И он подмигнул ей. – Не так ли?

– Конечно! – согласилась Аурелия. – Особенно таких скромных. – Она повернулась к сыну, прислонившись к стеклу окна, и, внимательно посмотрев на него, поинтересовалась: – Что это с тобой? Отчего ты так сияешь? Все идет хуже некуда; возможно, за нами гонятся; нам пришлось покинуть город, в котором ты собирался разбогатеть... и тем не менее впервые за долгое время ты балагуришь... Почему?

Себастьян пожал плечами:

– Наверно, потому, что мне уже не надо лезть на верх здания и таскать кирпичи. Я боюсь высоты, и все эти дни были настоящим мучением – не из-за работы, а из-за головокружения. – Он помолчал. – Или, может, потому, что у меня появилось предчувствие, что все сложится и мы найдем хорошее место, где сможем осесть.

– Да услышит тебя Бог!

Он показал на сестру.

– Ты обратила внимание на Айзу? – спросил он. – Она несколько месяцев ходила как в воду опущенная, а сегодня утром сияет, словно у нее внутри горит свет. – Он прищелкнул языком. – Знаю, что это глупо, – признался он. – Но она зачастую служит мне барометром, который меня предупреждает, когда будет штиль, а когда буря. – Он стиснул руку матери, словно пытаюсь внушить ей веру. – А сейчас наступает затишье.

Аурелия не ответила, только в свою очередь сжала ему руку, и они долгое время сидели вот так, вплотную придвинувшись друг к другу, и молчали, любясь красивым пейзажем: зелеными холмами, высокими деревьями и цветочными россыпями Лос-Текес. Чем круче становился склон, тем медленнее катился вперед выбившийся из сил автобус. Казалось, он вот-вот испустит последний вздох и развалится на части, превратившись в груды металлолома, которая окончательно перекроет узкое и извилистое шоссе.

Последние пятьсот метров были настоящим мучением для машины и для пассажиров, страдавших от неопределенности. Они затаили дыхание и предприняли бессмысленную и неосознанную попытку подтолкнуть автобус изнутри, вздохнув с облегчением, когда все четыре колеса чудом достигли вершины и с громким визгом радости покатались под уклон в направлении Лос-Вальес-дель-Араука.

Солнце немилосердно жгло пыльное шоссе, терявшееся из виду на равнине, у которой не было горизонта, лишь отдельные группки низкорослых деревьев, разбросанные там и сям, где попало. Из-под застывшего на месте автобуса, от которого, похоже, не было никакого проку, даже тени, торчали только ноги и огромные башмаки водителя, лежавшего под мотором и тщетно пытавшегося устранить неполадки в разболтанной машине, окончательно пришедшей в негодность.

Пара часов, проведенных под лучами этого убийственного солнца, могли уничтожить любого человека, и Пердомо Вглубьморя, оказавшиеся чуть ли не единственными пассажирами, которые не вышли в Валенсии, Маракхе или другом селении на маршруте, никак не могли решить, то ли вернуться в раскаленный автобус, превратившийся в самую настоящую духовку, то ли так и сидеть на обочине в надежде, что какой-нибудь поток воздуха освежит атмосферу.

Никто не произносил ни слова, и, судя по поведению шофера и тех, кто, по-видимому, были его обычными пассажирами, подобное происшествие было в порядке вещей. Право выражать возмущение даже не предусматривалось, потому что в качестве единственной альтернативы недовольному предлагалось продолжить долгий путь пешком.

Мимо промчалось полдюжины машин, однако ни одна из них даже не сбросила скорость, чтобы поинтересоваться, куда надо людям, размахивавшим руками на обочине, и только двоим ловким парнишкам удалось прицепиться сзади к пытящему грузовику, ехавшему в противоположном направлении и груженному гигантскими бревнами с темной древесиной.

– Сколько осталось до ближайшего населенного пункта? – поинтересовался Себастьян, придя к заключению, что усилия горе-механика не дают никакого результата и автобус, похоже, не желает катить дальше.

– Километров тридцать. – Мужчина кивнул в сторону Айзы. – Не думаю, что сеньоре в ее положении это по силам. – Он отер пот со лба, оставив на физиономии еще одно грязное

пятно. – Это солнце очень коварно и иссушает мозг. Наберитесь терпения. Я знаю эту развалюху: когда меньше всего этого ждешь, она вновь заводится.

– Точно?

Тот окинул Себастьяна долгим взглядом, поколебался и затем несколько раз отрицательно покачал головой:

– Точно, что есть небо, братец, а между тем почти никто до него не добирается. Зачем мне вас обманывать? Мне уже восемь раз приходилось ночевать на заднем сиденье.

– Разве они не присылают помощь?

– На следующий день. – Водитель сделал короткую паузу. – Времена нынче беспокойные, и никому не нравится оказаться в здешних местах на ночь глядя. – Он криво усмехнулся и показал приклад винтовки, спрятанной под сиденьем. – Но вы не беспокойтесь, – добавил он. – Если автобус со всех сторон закрыт, бояться нечего.

Себастьян вернулся к семье и поблагодарил брата за сигарету, которую тот зажег для них обоих. Сделал длинную затяжку и подытожил:

– Похоже, выбор у нас небогатый: либо идти пешком тридцать километров, либо ночевать здесь...

– Спору нет, быть тебе предсказателем, – с иронией отозвалась мать. – По твоим словам, все шло к тому, что наше положение должно измениться к лучшему.

Себастьян хотел было возразить, но тут Айза бросила на него взгляд и мягко заметила:

– Не волнуйся. Уже едет.

Они посмотрели на нее. Им был хорошо знаком этот особенный тон голоса.

– Кто? Кто едет?

Девушка пожала плечами, и стало ясно, что она и правда пребывает в неведении.

– Не знаю, – ответила она. – Но едет.

– Здорово!

Восклицание, как и следовало ожидать, исходило от потерявшего терпение Себастьяна, который больше ничего не успел добавить, потому что брат ткнул его локтем в бок и молча кивнул вдаль – туда, где чуть ли не на единственном бугре посреди равнины появилась машина. Она быстро приближалась, а ее хромированные детали и стекла отражали лучи солнца.

Они лишь стояли и смотрели, а автомобиль увеличивался в размерах и обретал конкретную форму бело-зеленого пикапа. Что-то им подсказывало, что, хотя до сих пор никто не сбавил хода, этот наверняка затормозит.

Шум мотора раздавался все громче и в конце концов заполнил грохотом всю равнину, и, хотя пикап несся на большой скорости, он остановился прямо напротив группы людей, которая даже не подала никакого знака.

С левой стороны опустилось стекло, и женщина лет сорока с выразительными чертами лица, обветренной кожей, пронзительным взглядом и волосами, забранными под широкую фетровую шляпу, окинула насмешливым взором четверых людей, не сводивших с нее глаз, и с улыбкой изрекла:

– Так-так! Потерпевшие крушение на равнине! – Она показала рукой на кузов: – Залезайте, не то вас убьет солнце. – Ее взгляд остановился на Айзе, которая была почти заслонена телом Аурелии, и суровое выражение ее лица смягчилось. – Женщины могут сесть рядом со мной, – добавила она. – Здесь им будет удобнее.

Затем на какое-то время она замолчала, сосредоточив внимание на дороге: то и дело приходилось объезжать колдобины на однообразном шоссе, словно вычерченном рейсфедером, – и наконец, не глядя на Айзу, сидевшую между ней и Аурелией, заинтересовалась:

– В Сан-Карлос едете?

– Да.

– Живете там?

– Нет. – На этот раз ответила Аурелия. – Но надеемся найти работу и остаться.

– Эмигранты? – Ответом ей был молчаливый кивок, и женщина спросила: – Откуда?

– Мы испанцы. С Канарских островов.

– С Тенерифе?

– С Лансароте.

– Лансароте? – Незнакомка искоса бросила на них удивленный взгляд. – Я и не знала, что существует остров, который называется Лансароте. Почти все приезжают с Тенерифе, Ла-Гомеры или Ла-Пальмы. Были и с Гран-Канария. Но Лансароте! – Она отрицательно покачала головой, а затем перевела взор на живот Айзы: – И когда же?

Девушка в свою очередь опустила взгляд, посмотрела на выпуклость, обезобразившую ее талию, и повернулась к матери, ища помощи.

Та несколько секунд тоже хранила молчание, затем внимательно оглядела женщину за рулем, ожидавшую ответа, и сказала:

– Она не беременна... – И после небольшой паузы: – Это небольшая хитрость для того, чтобы избежать неприятностей. Она даже не замужем. Парни – тоже мои дети. – Она сделала новую – более длинную – паузу и попыталась оправдаться: – Вы же знаете, как это бывает: семья бедняков в чужой стране, незнакомые обычаи... У нас были проблемы.

Черные глаза задержались на лице Айзы, пока машина сбавляла скорость, и ответное замечание прозвучало ясно и искренне:

– Меня это не удивляет. – Женщина изобразила улыбку, хотя чувствовалось, что она не привыкла улыбаться. – Как тебя зовут? – поинтересовалась она.

– Айза. Айза Пердомо.

– Айза! Никогда не слышала такого имени. Очень красивое. – Она вновь попыталась изобразить подобие улыбки. – Меня зовут Селесте. Селесте Баэс, моя семья насчитывает больше семи поколений льянеро. Моя мать клялась, что зачала меня, сидя верхом на лошади, и слезла с нее лишь для того, чтобы я могла появиться на свет. Тебе нравятся лошади?

– Я никогда их не видела.

Пикап резко остановился, и пассажиры, сидевшие сзади и не ожидавшие такого сюрприза, чуть не перелетели через сиденье водителя.

Селесте Баэс, по-видимому оторопев от изумления, невольно отклонилась к широкому рулю, чтобы внимательно рассмотреть девушку, сидевшую рядом.

– Ты никогда не видела лошадей? – недоверчиво переспросила она. – Ты что, меня разыгрываешь?

– Нет, сеньора. Я их, конечно, видела на фотографии. – Айза развела руками: мол, что тут поделаешь? – Но на Лансароте есть только верблюды, а с тех пор, как я приехала в Венесуэлу, мне не представилось случая увидеть лошадь. – Она кротно улыбнулась: это всегда безотказно действовало на кого угодно. – Я сожалею!

– И есть о чем сожалеть, – услышала девушка в ответ, и машина вновь тронулась с места, хотя уже далеко не так резко. – Лошади – самые прекрасные, благородные и милосердные создания на свете. Намного лучше, чем самый лучший человек, и тот, кто с ними незнаком или их не любит, много потерял. У меня их больше двух тысяч, и за всю историю нашей семьи мы вырастили тридцать девять чемпионов, одного победителя «Кентукки-дерби» и другого – «Триумфальной арки» в Париже. – Женщина сделала длинную паузу, а затем добавила, вновь нажимая на педаль газа: – Честно говоря, не могу себе представить, что существует мир без лошадей.

– Наш мир – море.

– Море?

– Мы, Вглубьморя, всегда были рыбаками. – Айза лукаво улыбнулась. – Уже больше десяти поколений.

– Рыбаками? Надо же! Вот здорово! А что делает семья рыбаков на дороге, ведущей в льянос? Некому было подсказать, что вам в другую сторону?

– Это очень долгая история, – вмешалась Аурелия.

– До Сан-Карлоса тоже долго ехать, – тут же парировала Селесте Базе. – Расскажите мне ту часть истории, какую пожелаете, но только правду. Я предпочитаю молчание лжи. Я была замужем за самым большим вралем на свете, и он истощил весь мой запас терпения.

Аурелия колебалась пару километров, однако в конце концов твердым голосом, не драматизируя события, начала рассказывать:

– Прошлым летом трое парней попытались изнасиловать Айзу, но мой сын Асдрубаль встал на ее защиту и во время драки одного из них убил. Отец погибшего был очень влиятельным человеком, и нам пришлось бежать с Лансароте на нашем старом голете, который затонул, и при этом мой муж погиб. Мы добрались до Венесуэлы, намереваясь поселиться в приморье, но, похоже, в здешних краях потребляют мало рыбы, да и не очень-то преуспеешь, не имея собственной лодки и машины, чтобы отвозить улов на рынок. Мы обосновались в Каракасе, но, как только Айза выходила на улицу, мужчины не давали ей проходу, и нам пришлось бежать, потому что один тип, в чьих руках находится вся проституция города, вознамерился ее похитить.

– Антонио дас Нойтес.

– Вы его знаете?

– Мой муж был одним из самых частых его клиентов. – В голосе Селесте Базе послышалась злость. – Он расплатился с ним за неделю развлечения с четырьмя его шлюхами, подарив моего лучшего коня! – Она слегка ударила по рулю. – Он мог бы стать великим чемпионом, но Феррейра – такой человек, который портит все, чего ни коснется. Вам известно, что у него есть подручные, которые специализируются на развращении девушек? Они подавляют их волю с помощью алкоголя и наркотиков. – Она чуть повернула голову вбок и посмотрела на Айзу, хранившую молчание: – Этот выродок искалечил бы тебе жизнь. – Она замолчала, вновь устремив взгляд на дорогу, а затем поинтересовалась: – Что вы собираетесь делать в Сан-Карлосе?

– Искать работу.

– И какого же рода работу? – Она засмеялась – весело, но без издевки. – Будете ловить рыбу?

– Какая найдется, – сказала Аурелия. – Моих сыновей Господь силой не обделил, особенно Асдрубаль; они с детства привыкли трудиться – море очень сурово.

– Представляю себе, – прозвучало в ответ. – Я мало с ним знакома, но, думаю, оно должно быть суровым. Суровым и опасным. Что вы знаете о коровах? – Она бросила взгляд на Айзу. – Предполагаю, что уж коров-то, по крайней мере, ты видела... Или нет?

– Коров на Лансароте тоже нет, – простодушно ответила девушка. – Только козы.

– Боже праведный! Ушам своим не верю. – Селесте Базе покачала головой, словно это был самый невероятный разговор, какой ей когда-либо приходилось вести. – А как насчет земледелия? – не унималась она. – Разбираетесь в земледелии?

– Нет.

– Нет? – удивилась она.

– Лансароте имеет вулканическую почву, а там, где мы живем, сплошной камень. Камень и песок. Единственным деревом в Плайя-Бланка была мимоза во дворе сеньи Флориды. – Айза вспомнила свой остров, и ее голос потеплел: – В некоторые годы, когда шли дожди, мы поднимались до Уга посмотреть на траву; на севере растут пальмы и есть земля, которую можно возделывать. Но мы, рыбаки с юга, в этом ничего не понимаем. Мы разбираемся только в море и рыбе.

Селесте Базе, казалось, размышляла о том, что только что услышала, а потом кивнула налево – на равнину, уходящую за горизонт.

– Видите это? – сказала она. – Здесь начинаются льянос, которые простираются до сельвы на юге и до границы с Колумбией. Здесь нет ничего, кроме лошадей, коров, пахотной земли, диких зверей, нескольких индейцев и угонщиков скота. Как же вы собираетесь зарабатывать на жизнь в таком месте?

– Что-нибудь да найдется.

– В любом другом месте вам было бы проще. Даже на Луне.

– Пережившим кораблекрушение не дано выбирать, к какому берегу прибьет их течением, – заметила Айза. – А мы сейчас как раз и есть пережившие кораблекрушение.

– Понятно.

Долгое время, может полчаса, они ехали в молчании по нескончаемому и однообразному шоссе, которое не предлагало взору никаких неровностей, кроме собственных рытвин да какой-нибудь промоины, да еще травы, которая мало-помалу завладевала растрескавшимся асфальтом. По прошествии этого времени Селесте Баэс кивнула в сторону группы деревьев и деревянного домишки на вершине холма.

– Хочешь взглянуть на лошадь вблизи? – спросила она и, не дожидаясь ответа, сбавила скорость и свернула на едва заметную тропинку, которая вела к небольшому леску и пастбищу.

Метис неопределенного возраста с погасшей сигарой в зубах, переплетавший тонкие полоски кожи, покинул гамак, натянутый между столбами под навесом его крохотного канея¹⁷, и двинулся им навстречу, ни на секунду не прекращая работы.

– Добрый вечер! – поздоровался он. – Чем могу вам помочь?

Селесте, которая, ловко выпрыгнув из кабины, приблизилась к ограде, махнула рукой в сторону полудюжины животных, пасшихся неподалеку.

– Вы не возражаете, если мы взглянем на ваших жеребцов? – спросила она. – Сеньора никогда не видела лошадей.

Человечек повернулся и посмотрел на Айзу, которая вылезала из машины вслед за матерью, и погасший окуроч сигары выпал у него из губ, когда рот раскрылся от изумления. Никто не мог бы сказать, то ли его поразило известие о том, что на свете существует человек, никогда не видавший лошадей, то ли на него произвело впечатление появление девушки.

В конце концов, отыскав в пыли свою сигару и вновь обретя дар речи, он широким жестом указал на калитку:

– Можете пройти и взглянуть на них с такого расстояния, с какого вам будет угодно. Они смирные, за исключением буланого, который держится особняком: эта сволочь кусает и лягает всякого, кто к нему приблизится.

Он открыл калитку, и вскоре стало ясно, что Селесте Баэс умеет обращаться с лошадьми, потому что они ели у нее с руки, а она целовала их в прекрасные морды.

– Иди сюда! – крикнула она Айзе. – Подойди поближе! Не бойся.

Айза поддавалась на уговоры – ее мать и братья за ней наблюдали – и робко погладила животных, которые позволили ей почесать им лоб и провести рукой по спине.

– Ведь правда красавцы? – допытывалась Селесте.

– Очень красивые.

– И умные. На ранчо есть один такой, что каждое утро перемахивает через изгородь, сует морду в окно моей спальни и будит меня. – В улыбке женщины сквозила печаль. – Но он уже стар. С каждым днем ему все труднее перескакивать через ограду. Это-то и плохо в лошадях: ты не можешь к ним слишком привязываться, зная, что однажды их потеряешь.

Айза не ответила.

Она продолжала машинально гладить животное и при этом не отводила взгляда от буланого, который держался в стороне.

¹⁷ Каней – тростниковая хижина.

– А с тем что не так? – спросила она.

– Возможно, его не сумели усмирить. Или же у него с головой не все в порядке. Или у него просто-напросто дурные наклонности. Такое иногда случается!

Девушка ничего на это не сказала. Она как-то очень пристально продолжала смотреть на коня и вдруг, словно сама не осознавая, что делает, шагнула в его сторону.

Заметив это, метис заволновался.

– Не делайте этого! – взмолился он. – Я же вам сказал, что этот негодяй опасен.

Но Айза как будто его и не слышала: она продолжала стоять, не сводя взгляда с коня, который поднял голову и в свою очередь воззрился на нее.

В течение нескольких мгновений, показавшихся бесконечными, они так и стояли и смотрели в глаза друг другу, и никто из присутствующих не пошевелился и не проронил ни слова, словно все вдруг поняли, что происходит что-то необычное – что-то такое, чему они не в силах дать объяснение.

Затем, очень медленно и продолжая глядеть на Айзу, буланный двинулся с места, словно какая-то неодолимая сила влекла его к девушке, которая ждала его в полной уверенности, что не подвергается опасности.

Подойдя ближе, животное остановилось и покорно склонило голову, позволив себя приласкать.

На равнине стало так тихо, что казалось, звенит в ушах, и на несколько волшебных секунд время словно замерло, а женщина-девочка полностью подчинила себе волю животного.

Затем она повернулась и пошла назад, а конь следовал за ней по пятам, будто послушный пес или ягненок.

Человечек, сигара которого успела где-то безвозвратно исчезнуть, ошарашенно спросил:

– Черт возьми! Как она это делает?

Аурелия Пердомо, стоявшая рядом с ним, смиренно закрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Она умирят зверей, – сказала она охрипшим голосом. – Она всегда это делает. С того самого дня, как родилась.

Селесте Баэс любила лошадей.

Она любила их намного сильнее, чем любого представителя человеческого рода, потому что со стороны животных встречала только любовь, тогда как о людях сохранила слишком мало приятных воспоминаний.

Ее мать умерла молодой, а отец наполнял дом временными любовницами, которые оттесняли ее на задний план – с каждым разом все ближе к конюшням, лошадям и долгим прогулкам верхом по бескрайней равнине. Поэтому не было ничего удивительного в том, что однажды жарким летним днем, когда ей еще не было и шестнадцати, один пеон¹⁸, парень грубый, поставил ее на карачки на куче соломы и насел сверху, точь-в-точь как самый мощный из племенных ослов – Центурион, который в то утро проделал это при всем честном народе с самой молодой и хрупкой из кобылиц.

Тот душный вечер и еще сто за ним последовавших были, пожалуй, единственным стоящим воспоминанием Селесте о ее связи с противоположным полом, поскольку неграмотный и неотесанный Факундо Каморра обладал не только огромным членом, но еще и способностью к самоконтролю, благодаря которой мог больше часа непрерывно всаживать член в тело женщины, рискнувшей встать к нему спиной; в итоге той приходилось кусать старый хлыст, чтобы стены не сотрясались от ее криков удовольствия.

Но в один злосчастный вечер с очередной любовницей отца случилась досадная неприятность: в самый неподходящий момент у нее начались месячные. По этой причине дон Леонидас Баэс покинул спальню в неурочный час и решил самостоятельно оседлать свою лошадь.

¹⁸ Пеон – батрак.

По-видимому, картина, открывшаяся в конюшне, ему совсем не понравилась, потому что он выскочил оттуда как ошпаренный и ничего не сказал, однако два дня спустя Факундо Каморра был найден мертвым на берегу пересохшего ручья. Говорили, будто ему пришла в голову неудачная идея помочиться рядом с гнездом мапанаре¹⁹. Змея ужалила его в головку огромного члена, убив за считанные минуты. Бедняга скончался в самых жутких мучениях, которые когда-либо довелось испытывать льянеро.

Селесте отослали в «Кунагуаро», самое дальнее и богом забытое имение среди всех, принадлежавших семейству Баэс на обширном пространстве венесуэльской равнины, и она оставалась там в компании неразговорчивой супружеской пары старых слуг до тех пор, пока не появился на свет – и покинул его за считанные минуты – нежеланный отпрыск незадачливого Факундо Каморры.

Когда Селесте вернулась в главное поместье, она успела превратиться в худощавую, не по возрасту осунувшуюся женщину. Ее существование, похоже, теперь сводилось лишь к уходу за лошадьми и терпеливому ожиданию того дня, когда ром и шлюхи сведут отца в могилу.

Однако два года спустя появился Мансур Тафури, аргентинец турецкого происхождения, который успел прослыть лучшим тренером лошадей на континенте и одним из самых вспыльчивых и порочных людей среди тех, кто когда-либо ступал на дорожку ипподрома.

Никто так и не понял, как Тафури ухитрился уговорить богатую наследницу Баэсов выйти за него замуж, да еще и не развестись впоследствии, несмотря на миллион причин и триста выволочек, которые он ей учинил на протяжении их бурной совместной жизни, но одно можно сказать точно: за пятнадцать лет брака – до тех пор, пока Кантакларо не зашиб турка, ненароком лягнув его в затылок, – Селесте Баэс и часа не довелось испытать настоящего счастья.

Возможно, роковой удар копытом и был одной из причин, почему Селесте так любила лошадей. С того момента она с еще большим рвением, чем прежде, отдавала им всю свою любовь и все свои силы. Поэтому ей было неприятно от того, что хочешь не хочешь, а следовало признать тот факт, что, хотя по части лошадей она считала себя докой, вдруг нашелся человек, по его же собственным словам, никогда не видевший лошадей живьем, который, похоже, обладал такой властью над животными, какой никогда не было ни у нее, ни у отца, ни даже у самого Мансура Тафури. Оставшись одна, по пути в Гуанаро она вновь и вновь пыталась отогнать от себя воспоминание о девушке, которую часом раньше высадила вместе с ее матерью и братьями в самом центре Сан-Карлоса.

– Что они будут делать? – спросила она себя, когда последние дома остались позади, хотя давно пришла к выводу, что никто не в состоянии решить проблемы бесчисленных семей эмигрантов, постоянно прибывавших к берегам Венесуэлы в поисках своей судьбы, которая в большинстве случаев оказывалась совсем не такой, какую они воображали, находясь по ту сторону моря.

Страна была огромной, малонаселенной и предлагала приезжим бесконечные возможности. Однако, хотя политика открытых дверей, проводимая последними правительствами, не вызывала возражений, следовало отметить, что ни одно из них не проявило озабоченности по поводу того, что массовая и неограниченная иммиграция никак не регулируется и не получает достаточной помощи.

Голодные и отчаявшиеся, мужчины, женщины и дети, прибывшие из дальних краев, с другим климатом и жизненным укладом, неожиданно для себя попадали в хаотичный и переполненный Каракас, снабдаемый безумной жадной обогащения, или в полудикую провинцию, неразвитую, малолюдную, не имеющую необходимой инфраструктуры, где звери, насекомые, необузданные нравы, первобытные индейцы и необыкновенная природа – все это вместе сби-

¹⁹ *Мпанаре*, или кайсака, «желтая борода» – ядовитая змея, самая крупная из копьеголовых змей.

вало с толку и опутывало приезжих паутиной, из которой им зачастую так и не удавалось вырваться.

Семьи вроде той, что она только что высадила в Сан-Карлосе, скитались по Венесуэле из конца в конец, безуспешно пытаясь найти место, где можно было бы зацепиться и выжить, и многие превращались в вечных кочевников, томимых тоской по родине. А между тем боязнь приезжих, чувство еще несколько лет назад креолам неведомое, уже давала о себе знать в среде бедняков, увидевших в этом нашествии отчаявшихся иностранцев угрозу своему традиционному укладу.

Кто приютит в Сан-Карлосе семью Пердомо Вглубьморя? Кто предложит мало-мальски достойную работу людям, которые, по их же собственному признанию, если что и умели, так это ловить рыбу?

– Они спятили! – бормотала Селесте Баэс, желая выбросить их из головы, хотя что-то ей подсказывало, что будет непросто забыть поразительную сцену, когда дикое и норовистое животное с косящим взглядом и безумными глазами покорно склонило голову, словно признавая в девушке свою настоящую повелительницу.

Было что-то необычное и необъяснимое в островитянке с миндалевидными зелеными очами и не поддающейся описанию красотой: что-то такое, что Селесте уловила почти в первый же момент, когда остановила пикап у обочины дороги, – и это было нечто большее, чем потрясающее тело или небывалое простодушие ее лица. От девушки словно исходил ореол тайны и недостижимости, и это выделяло ее среди окружающих, а когда она села в машину, Селесте Баэс испытала беспокойство – смесь блаженства и тревоги, – которое усилилось после сцены с жеребцом.

Кто же она такая?

Умирающая от голода «нога-на-земле», по местному выражению, которое весьма образно определяло беднягу, не имеющего и худой лошаденки, которая оградила бы его от опасности – многочисленных змей и скорпионов саванны.

Где находится Лансароте и как может выглядеть такое место на свете, где почва – камень и лава и где нет ни коров, ни лошадей?

Селесте нажала на газ, желая как можно скорей увидеть первые строения Гуанаро и встретиться, пока та не уснула, со своей теткой Энкарнасьон, которая тут же начнет пересказывать ей тысячу сплетен о бесчисленных родственниках, и таким образом можно будет окончательно отодвинуть в сторону образ Айзы Пердомо. Однако ни болтовня тети, ни даже щебетанье кузин, которые случайно тоже оказались дома, не смогли ее развлечь, и тогда Виолета – в их семье женщины по традиции всегда носили имена, обозначающие цвета²⁰, – сделала ей замечание.

– Что с тобой? – поинтересовалась она. – Ты весь вечер словно сама не своя и почти не притронулась к еде. – Она лукаво улыбнулась: – Видно, влюбилась в Маракае?

Селесте отрицательно покачала головой и в какое-то мгновение чуть было не рассказала о происшествии, но передумала: у нее появилось ощущение, что это дело касалось только ее.

– Конечно же нет, – ответила она, пытаясь уйти от темы. – Просто возникли кое-какие проблемы в имении. Угоняют скот.

– Индейцы?

– Эти меня не волнуют. Время от времени крадут пару коров, чтобы прокормиться, однако это несерьезно. Проблема в другом – в организованных бандах, которые угоняют сразу двадцать или тридцать голов и переправляют их в Колумбию. День ото дня они все больше нагледят, а попытаешься дать им отпор – выйдет еще хуже. В прошлом месяце они ранили пеона. Всадили ему пулю в колено и на всю жизнь сделали хромым.

²⁰ Имя Селесте (исп. «celeste») переводится как «лазурная», Виолета (исп. «violeta») – как «фиалковая».

– Ты сама виновата, – заявила тетя Энкарнасьон, которая уже тысячу раз об этом твердила. – Имение «Мадре» не по плечу женщине. Тебе следовало бы его продать и переехать в Каракас или в Европу и жить себе как королева. Ты без толку прожигаешь жизнь. А главное – ради чего! У тебя даже нет детей, которые когда-нибудь сказали бы тебе «спасибо» за то наследство, которое ты им оставишь! – Она на секунду замолчала и сказала с явным намерением уколоть племянницу: – Ты уже не девочка, Селесте, и если упустишь время, никогда не сможешь его наверстать.

– Разводить коней мне интересно, – сухо ответила та. – Ничего другое не доставляет мне большего удовольствия, чем мое занятие. – Она покачала головой, налила себе рома в высокий стакан и начала пить медленными глотками, смакуя, поскольку это было первый раз за вечер. – А что я нашла бы в Каракасе? Или в Европе? Мужчин, готовых «развлечь» сельскую жительницу, от которой разит конюшней? Наряды, в которых я буду как кайман в крахмальных юбках? Утонченную публику, которая станет надо мной потешаться? – Селесте сделала очередной глоток и почувствовала себя лучше. – Нет уж, тетя... – добавила она. – Я себя знаю, выше головы все равно не прыгнешь, вот льянос и лошади – это мое.

– И ром.

Селесте подняла стакан и посмотрела на просвет:

– И ром, это правда. Это единственное, что скрашивает жизнь, не требуя ничего взамен.

– Погоди, еще потребует. Вспомни-ка своего отца. И дядю Хорхе...

К чему их вспоминать? Какой вред от нескольких стаканов рома, когда жаркие ночи становятся бесконечными или когда во время полуденной дремы воображение начинает жить своей жизнью и устремляется к конюшням – на поиски Факундо Каморры, который был настолько невероятно одарен, что ему ничего не стоило проникнуть в нее да еще и усесться ей на ягодицы, словно галопируя на своем нервном черно-белом коньке.

Оставшись одна, уже лежа в кровати, Селесте вдруг осознала, что после третьего стакана рома, когда она утратила всякий интерес к болтовне тетки и кузин, в памяти вновь и вновь всплывало не только лицо Айзы Пердомо, но также – с монотонной настойчивостью – и лицо младшего из братьев: того, с непослушными вихрами и мощным торсом. Он не проронил ни слова, однако его лицо показалось ей смутно знакомым.

Уже засыпая, она обнаружила, что в ее воспоминаниях черты Асдрубала Пердомо сливаются с почти забытыми чертами Факундо Каморры.

День был воскресный, и на улицах Сан-Карлоса безраздельно хозяйничал зной.

Ранним утром, еще до того как солнце поднималось достаточно высоко, чтобы прогреть неподвижный воздух, местные жители наряжались в свою лучшую одежду и семьями отправлялись в церковь, обмениваясь приветствиями при входе или под сенью цветущих арагуанеев²¹. Однако после полудня под открытым небом оставались только собаки да измученные лошади, которые нервно отгоняли мух, брыкаясь и чуть ли не высекая искры из булыжников, которыми было замощено большинство городских улиц.

Даже двери пульперий²² португальцев или «источников содовой» итальянцев и креолов были закрыты до тех пор, пока с севера не поступал прохладный воздух, приглашая людей вновь выйти из дома. Так что Пердомо еще повезло – им удалось купить несколько кукурузных лепешек в единственной продуктовой лавке, которая оставалась открытой. Чтобы их съесть, пришлось устроиться на обшарпанной скамье из голубых плиток, уложенных вокруг толстой и развесистой сейбы.

²¹ *Арагуаней*, или табебуйя, – дерево, которое широко используется в оформлении улиц благодаря ярким и выразительным цветам; с 1948 г. является национальным символом Венесуэлы.

²² *Пульперия* – таверна с продуктовой лавкой.

Сан-Карлос не имел ничего общего с Каракасом. Можно было подумать, что он находился в другой стране, а то и на другом континенте: это был небольшой город, тихий и сонный, который, казалось, в глубине души гордился своим колониальным прошлым, не успев еще испытать на себе агрессивного влияния нефтяного бума и массового нашествия иммигрантов.

Ни тебе сумасшедшей гонки, ни стресса столичной жизни – таким Сан-Карлос вступил во вторую половину XX века. Сохранилась незыблемой традиция по воскресеньям рано возвращаться домой и вкушать всей семьей обильный обед: жаркое, сладости домашнего изготовления, пиво рекой и крепкий черный кофе.

Затем закуривали сигары, мужчинам подавали ром, а женщинам – сладкий ликер, и в продолжение десерта все слушали старика – главу семьи, который рассказывал свои истории или произносил речи, пока его голова не склонялась на грудь и он не начинал храпеть.

Дома Сан-Карлоса, с толстыми стенами и высокими потолками, тенистые в противоположность залитым солнцем фасадам с их яркими красками, были жилищами, в которых, казалось, намеренно удерживали темноту и прохладу ночи, поскольку полумрак был в этих местах единственным известным способом спасения от знойной тропической жары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.